



СМЕНА

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

22
1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВСЕ ФЛАГИ



К НАМ В ГОСТИ!



Слова Н. ДОБРЖАНСКОЙ
Музыка Э. ТАРАХОВСКОГО

Здравствуй, юный грандин,
Стран сегодняшнего мира!
Серб, индус, итаец, фин,
Сын Египта и Алжира!

Припев:

В добрый час, в добрый час!
Ты желанный гость для нас!
Нам с тобой сегодня друг,
Не разнять горячих рук!
Все флаги к нам в гости,
Все песни к нам в гости
Слетелись из дальних краев...
В России, ребята, для друга и брата
Открыты все двери домов!

Здравствуй, славный парень Диего!
Здравствуй, добрый менсинаец!
Здравствуй, юный человек,
Немец, чех и африканец!

Припев.

Здравствуй, милая Жанетт!
Здравствуй, милая Салли!
Встреч счастливей в мире нет,
Чем на нашем фестивале!

Припев.

Радостно в темпе бодрого марша

Здравствуй, юный грандин,
Стран сегодняшнего мира! Серб, индус, итаец, фин,
Сын Египта и Алжира!

Припев:

В добрый час, в добрый час!
Ты желанный гость для нас!
Нам с тобой сегодня друг,
Не разнять горячих рук!
Все флаги к нам в гости,
Все песни к нам в гости
Слетелись из дальних краев...
В России, ребята, для друга и брата
Открыты все двери домов!

Здравствуй, славный парень Диего!
Здравствуй, добрый менсинаец!
Здравствуй, юный человек,
Немец, чех и африканец!

Припев.

Здравствуй, милая Жанетт!
Здравствуй, милая Салли!
Встреч счастливей в мире нет,
Чем на нашем фестивале!

Припев.

Для швейцарки

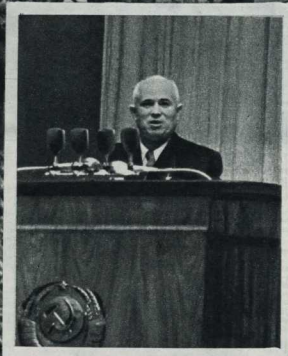
В гости, ты же ты, подружка и братишка, приходи к нам!

Для африканки

В гости, ты же ты, подружка и братишка, приходи к нам!



К НОВЫМ ПОДВИГАМ, МОЛОДЕЖЬ!



На знамени Ленинского Комсомола горят орден, которым Родина отменила боевые и трудовые заслуги молодых строителей коммунизма. Каждая награда означает собой новый этап в героической биографии Комсомола — верного помощника Коммунистической партии. Пятый орден — орден Ленина, приретенный к комсомольскому знамени в канун 39-й годовщины Великого Октября, — это высокая награда советской молодежи, покоровшей целину, познавшей радость труда на бескрайних полях Алтая и Казахстана, Урала и Поволжья, на новостройках Сибири.

Сотни тысяч комсомольцев три года тому назад по призыву Партии и Правительства отправились на освоение целинных и залежных земель. Теперь эти земли силой молодых комсомольских рук преобразованы в новые обширные районы плодородия. На фронтах Сибири, Дальнего Востока, Севера, на шахтах Донбасса — всюду беззаветно трудится славное комсомольское племя.

Пятый орден, которым народ так высоко оценил трудовую героизм советской молодежи, совет и новым делам, будит стремление быть всегда на самых трудных участках борьбы за коммунизм, там, где нужны горячие сердца, умелые руки, живое творческое беспокойство. Вперед еще столько неуспешных планов, несвершенных подвигов, столько великих дел, которые ждут своих героев!

На снимках: митинг московской молодежи во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина, посвященный награждению комсомола орденом Ленина. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О награждении Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи орденом Ленина

Учитывая большие заслуги комсомольцев и советской молодежи в социалистическом строительстве, когда горюче отрывающихся на призыв Коммунистической партии и Советского правительства, а особо отмечая самоот-

верженный и инициативный труд комсомольцев, советских юношей и девушек в успешном освоении целинных и залежных земель, награждать Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 5 ноября 1958 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 22. 1956 год.

Год
издания
33-й



5. Стены комнат клуба увешаны плакатами и фотогазетами. В одной из газет помещен снимок: посреди пыльного моря стоит четыре девушки. Вдруг слезы нас помыли свеж. Обнаружилось, мы заметили подружек и запечатлели их на снимок. Вот они (слева направо) — Вера Сергеевна, Тая Белохвостова, Вала Иконова и Алла Старникова. Славно поработали девушкой на целине! Камедя из них выполняла на уборке по две—две с половиной нормы.



7. Невозможно, конечно, быть одновременно во всех комнатах и залах огромного четырехэтажного клуба. Но столько здесь необычного и интересного, что хочется всюду поспеть. Вот, например, моментальное фотогалерея (снимки справа, сверху). Перед ателье — длинная очередь. Кому не хочется запечатлеть себя в идиллической позе отдыхающего или ищущего на дном степном скакуне? Вера именно так некоторым представлялась нынче на целине. А вот картинная галерея: шаржи, рисунки, портреты. Вая Демитров стоит перед собственным изображением:

«Здорово! Похонь!»
У фотогазеты, показывающей жизнь и быт студентов на уборке урожая, толпы зрителей. Намодеру хочется еще раз взглянуть на те места, где они провели два месяца в напряженном и радостном труде.

—Шумно и весело проходил бал. Повсюду звучали песни, сочиненные самими студентами. Нам запомнились слова одной песенки, не очень гладкие с поэтической точки зрения, но искренние и правдивые:

Мы убрали своими руками
Хлеба сотни и тысячи тонн,
И теперь мы дружными глазами
Поглядим на московский батон.

Да, совсем новыми глазами смотрит на хлеб тот, кто вложил в него собственный труд, кто помогал труженикам целинных земель выполнить задание партии и правительства.

Вл. КАНАЕВ



6. Особым успехом на базу пользовались «музей целинных вещей» и аттракцион «Любимая пицца целинников».





Павел ШЕБУНИН

НЮРКА

Рассказ

Андрян Тимофеевич со своим помощником Митей осматривал корпус вытасканный на берег мотофелюги, когда к ним подошла Нюрка. От косы ее, сложенной вдвое, у затяжки свисала розовая ленточка. На загорелые ноги были надеты новенькие тапочки.

— Здравствуйте, Андрян Тимофеевич! — сказала Нюрка, стараясь скрыть смущение. — Меня к вам Трофим Афанасьевич послал.

Митя она, казалось, не замечала.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Андрян Тимофеевич и протянул руку.

Нюрка шумно вздохнула, сунула Андряну Тимофеевичу крепко сжатые, негнущиеся пальцы. Она еще не привыкла, чтобы с ней здоровались за руку.

— Какое, рыбачкой решила стать? — спросил Андрян Тимофеевич после паузы. — Что ж, попробуй.

Митя покачивал ведром со смолой, делая вид, что появление Нюрки ему совершенно безразлично. И это не случайно. Еще во время уборки урожая правление колхоза послало как-то Митю вместе с несколькими подростками на механизированный ток. Работа была несложной: подбрасывать деревянными лопатами зерно на ленту транспортера. Работала на этом току и Нюрка с подружкой. Они выбрали в кузов подмывающей автомашины и разравнивали зерно.

Нельзя сказать, чтобы Митя и его приятели питали какую-нибудь неприязнь к девочкам. Но хотелось все же чем-нибудь досадить, показать свое превосходство. Митя подмигнул друзьям и, опустив лопату, начал подбрасывать пригорняшки зерно на транспортер.

— Заснулы вы там, что ли? — зашумела Нюрка. — Митяшу задерживает.

На шум подошел заведующий механизированным током Петр Семенович, старик, прихрамывавший на одну ногу. Тогда ребята снова принялись бросать зерно посылными лопатами, да так, что девушки едва успевали разравнивать.

Петр Семенович молча, с укором посмотрел на ребят и отошел. Но Митя не успокоился. Когда в середине кузова очередной автомашинной выроста гора зерна и девушек остоженными орудиями лопатами, Митя подхватил влипающийся на току старый, обмызганный веник и пустился по транспортеру. Его расчет оправдался: веник упал на спину Нюрки. Та вскрикнула от неожиданности, потом увидела веник, подняла его и забросила подальше. Митя проследил, куда упал веник, а когда девушки снова увлеклись работой, сбегал за ним и опять

пустился по транспортеру. Так повторилось несколько раз.

— Что же это такое! — не выдержала Нюрка. Голос ее дрожал от волнения. — Мы работаем, а они бздуют!

Слова подошел Петр Семенович, выслушал возмущенную Нюру и сказал, пошипывая седой ус:

— Ну, вот что, Дмитрий, ты иди домой.

Равно тебе еще на механизированном току работать. Только другим мешаешь.

Несколько дней Митя томился без дела, размышляя о том, какой нехорошей оказалась Нюрка.

С трудом удалось ему уговорить председателя колхоза Трофима Афанасьевича дать хоть какую-нибудь работу.

— Ну, ладно, иди к Андряну Тимофеевичу, пусть ему поможет, — сморщился председатель. — Может, выйдет из тебя рыбак. Только смотри, без озверств!

Путиня еще не начиналась. Целыми днями Митя с Андряном Тимофеевичем осматривали старенькую фелюгу. Митина синяя майка была уже изрядно измазана смолой. Но Митя не роптал. Он метал тампестать рыбаком и ради этого готов был бесконечно сморять фелюгу.

И надо же так случится, чтобы и здесь появились Нюрка! Митя вначале надеялся, что бригадир попросту прогонит ее: больно нужна девочкам на морском судне! Но старик неожиданно стал показывать Нюрке фелюгу и что-то объяснять. Митя помрачнел. Разогнев смолу, он подошел к борту фелюги, взял оставленный стариком квач и начал водить по доске, тщательно затаивая трещинки.

— Придождется? — озорничливо спросил Андрян Тимофеевич. — Ну, вы с Нюрой работаете, а я пойду на судно, посмотрю, не бредутся ли чег.

Старик ловко поднялся по лесенке на борт и влез в трюм. Митя молча передал Нюрке ведром, а сам стал сосредоточенно осматривать обшивку фелюги, чтобы показать, какая ответственность теперь на него возложена.

Захватывая на квач смолу, Митя стараясь задержать фелюгу. Он надеялся, что она не начнет ругаться. Может быть, тогда Андрян Тимофеевич, не любивший никакого шума, прогонит ее. Но Нюрка была настроена удивительно миролюбиво. Митя измазал ей смолью все пальцы, а она не сказала ни слова и лишь

с любопытством наблюдала, как он работает.

Возвращаясь домой Митя с Андряном Тимофеевичем и Нюрой. Старик говорил о том,



Рисунки П. Пянкисевича.

что скоро начнется лов бычка. Нюрка внимательно слушала, но вступать в разговор не решалась. Потом Андрян Тимофеевич зашел в кооператив, а Митя пришлось дальше идти с Нюрой. Всю дорогу оба молчали.

На развилке дорог Нюрка остановилась, озорно улыбнулась и протянула Мите руку. Митя растерялся, тоже протянул руку. Пальцы его сразу стали липкими от смолы. А Нюрка как ни в чем не бывало кинула головой и пошла своей дорогой.

Несколько дней Митя с Нюрой покрывали смолой корпус фелюги, а бригадир присматривал за их работой.

Наконец наступил торжественный день. У фелюги собралась вся бригада. Пришел моторист Володя, парень лет двадцати в традиционной морской телушке. Подложил бревна, налегил — и фелюга заскользила к воде. Еще немного уселись — и она закатилась на волнах.

Прошло несколько дней. Однажды Андрян Тимофеевич нарочито будничным тоном сказал:

— Завтра пойдем на добычу. Приходите заранее, пораньше выйдете.

Митя едва удержался, чтобы не подтолкнуть локтем Нюру.

Придя домой, он тут же стал еще раз примерять выданную ему колхозом рыбачью одежду: ватные брюки и такую же стеганку, брезентовые штаны, плащ, изымаемый в отряхах венцерадой, и, что самое главное, высшие рыбачье сапоги, шитые из толстой, негнущейся кожи, подбитые между верхом и поднарядом бычьим пузырем, чтобы не пропускать воду. Эти сапоги, уже несколько раз заболото смазанные касторовой, были предметом особой гордости Митя. Он пытался перед небольшим зеркалом, стоявшим у матери на столе, подпрыгивал, стараясь увидеть свои ноги.

Звинула шею, Митя проворно отошел от зеркала, делая вид, что проверяет ремень сапог, прикрепляющиеся к поясу.

— Вошел отел, скинула пиджак и бросил на спинку кровати.

— Вырядился? — спросил он беззаботно.

— Загря в море, — солидно ответил Митя. — Смотря, чтобы не получилось, как на току. А ты пойдешь в водовозы, на помощь дяде Ивану.

...Еще до рассвета вся бригада Андрияна Тимофеевича собралась на берегу. Было так темно, что море лишь угадывалось по ровному шуму и скрежету ракушек, выбрасываемых на берег волной.

Помощник Андрияна Тимофеевича дядя Миша принес зажженный фонарь. Вместе с мотористом Володей они stalkали в воду лодку, спускались к фелюге, погружали в нее сети и два мешка с продуктами.

Проверив, все ли члены бригады на месте, Андриян Тимофеевич снял чалку. Отчетливой застучав мотор, и фелюга двинулась в сумрачном рассвете.

На горизонте занималась багровая полоска зари. Над морем висел неустойчивый туман.

Где-то вдалеке прошла, пофихривая мотором, другая фелюга.

— Спать драчку! — скомандовал Андриян Тимофеевич.

Вместе со всеми Норка спускала в море сеть. Когда все сети были высланы, она, уложив минутку, подошла к Мите и спросила: — Почему говорят: сыпать драчку? Ведь сыпать можно песок или крупу.

— А ты будто не знаешь? Говорят, и все. — Но ведь проще сказать: забросить сеть. — Забросить? — Митя ухмыльнулся. — Знаешь, что тебе Андриян Тимофеевич ответил: «Зачем же хорошую сеть забрасывать? Известно, тогда можно забрасывать». Он был доволен, что сумел разрешить сложный вопрос.

Когда все драчки были поставлены, рыбакки принялись за завтрак. Обязанности хозяйня взял на себя дядя Миша. Со стороны казалось, что эти обязанности уже очень для него непривычны. Он брался то за один мешок, то за другой, хотя хорошо знал, что в одном мешке сложен хлеб, а в другом все остальные продукты. Лишь его с редкой русой борошкой выражало крайнюю напряженность.

Норка припомнила, что, когда спускали за борт сеть, дядя Миша тоже никак не мог найти себе места, перебегал с одного на другое и на лице у него тоже было такое же сосредоточенное выражение.

Наконец дядя Миша нарезал крупными ломтиками хлеб, развезлу трюпочку с солью, разложил помидоры, соленые огурцы, сушеные бычки. Рыбакки принялись неторопливо закусывать. И только дядя Миша не знал покоя. С куском хлеба в одной руке и с ведерком помидоров в другой он вдруг бежал к борту фелюги, вглядываясь в огни дальнего маяка, потом сообщал то, что Андрияну Тимофеевичу самому было давно известно:

— На самое место попали! Как по азимуту! Быть может, эта его суеверность была причиной того, что дядя Миша много лет оставался помощником бригадиром, хотя многие молодые парни, куда позже начавшие рыбачить, стали уже бригадирями.

Но Норке и Мите нравилась такая неоседлательность дяди Миши. Она делала как-то более значительной эту минуту.

После завтрака Андриян Тимофеевич прыгнул на палубе вздремнуть. Моторист Володя тоже устроился на расстеленной ватерке. Дядя Миша перебегал от борта к борту, вглядываясь в небесные звезды, лижущие борт фелюги, поглядывая на небо.

Норка достала из-за пазухи книгу и стала читать, слегка шевеля губами. Митя подошел к ней.

— Что читаешь?

Норка молча показала название книги.

— «Итнология», — прочитал Митя. — Это тебе зачем?

— Хочу в рыбный техникум поступить. Надо подготовиться.

На следующий год?

Норка кивнула головой, прочитала до конца страничку, потом спросила: — А ты не думаешь?

— Если пойду, то только в мореходный! — гордо ответил Митя.

Норка снова принялась читать, а Митя смотрел на багровое солнце, которое никак не могло прорвать скучившиеся облака и словно заглядывало на них. Туман исчез. Море приняло ставший цвет.

Андриян Тимофеевич спал недолго. Встав, он поглядел на солнце, на море и скомандовал:

— Лодка сети!

Путь улов оказался небольшим — на палубу вымалось всего лишь несколько сот бычков да десятка два сельдей-черноспинки.

Андриян Тимофеевич обернулся к Норке, сказал весело:

— Ну-ка, дочка, свари нам ушну на первой рыбе. А селедочку засоли, там у меня бочонок есть.

Норка охотно принялась чистить бычков. Ей было приятно сделать что-нибудь для бригады. Митя поглядывал на нее с чувством предостережения: он рыбачит, а она только кукурит.

Весь день «сымали» и «ломали» сети, но попасть на рыбные места не удавалось. Уже в сумерках размыслил приемное судно рыбкомбината, слани небольшой улов бычков. Узнали, что одна из бригад, ушедшая километров за тридцать, промышляет успешно.

— Давай в море! — сказал Андриян Тимофеевич мотористу. — Бычок на холодную воду ушел.

— Далеко пойдем? — осведомился Володя, поправляя фуражку-каптанку.

— Нет. Двадцать пять километров. Дальше не ходи. Мотор у нас слабый и посуда старая, сам знаешь.

— Мой мотор против любой волны потянет! — попробовал возразить Володя, но Андриян Тимофеевич упрямо повторил:

— Скажию, на двадцать пять!

Уловы и здесь оказались небольшими. Митя слышал, как дядя Миша, ослепливо оглядевшись, говорил Володе:

— Эх, не бригадир! Подальше бы податься! Тоннами можно бычка брать. А что тут, у берега, сети ползают!

Митя тоже подумал, что хорошо бы уйти за сотню — другую километров, взять столько рыбы, чтобы все ахнули. Но высказывать свои мысли побоялся: вдруг Андриян Тимофеевич рассердится и прогонит из бригады?

Так прошло несколько дней. Брели поемому рыбу, потом рыскали по морю, разныкая приемное судно. Кончалась осенняя путнина. Бригада едва-едва выловляла плав, гордиться было нечем. Все холодней становились ночи, все сильнее стлалась палыца, когда надо было выбирать морскую сеть.

Норка работала нарравне со всеми и еще успевала кукурит.

Потом на море появилась шуга. Лед пытался съезжать волной, но они разбегали его и расклевывали на своих грехишках ледяную кашу. Бор-

ба эта длилась долго; шуга, начиная от берега, все больше и больше захватывала лед. И вот однажды утром волны замерли. Зад победил, сковал их своим панцирем. До самого горизонта протянулись белая равнина, покрытая кожде небольшими торосами.

Предстояло самое интересное — поледный лед. На берегу собрался обоз. Андриян Тимофеевич приехал на своем Яске — несомком гуском коньке с мохнатыми ногами в черных чулках и палевой шерстью на груди. Яшка был запряжен в санях с узко поставленными полозьями и широкими разводами. Такие санки пройдут по трем узкой крошке льда, проскокут через трещины и не перевернутся.

Андриян Тимофеевич оглядел выстроенный обоз и скомандовал:

— Норка и Митя, вы со мной! — Он считал нужным избежать доверенных ему ребят. Яшка побегал вперед обоза, звонко постукивая маленькими копытцами по льду, отбывая несмокие торосы и все туже нагинаясь вперед, словно радовался первой зимней путине. И позади слышалось такое же звонкое копытное копыт. Обоз замыкал дядя Миша. В его санях была запряжена рослая рыжая кобыла. Все



остальные рыбацкие кони не могли с ней сравниться, но Андриан Тимофеевич поспатривал на кобылу Доробелью.

Отъезды километров за десять, стали рубить прорубы. Первый же сеть привнеса богатый улов. Рыбаки принялись слушать новые сети, опасаясь, как бы косяк, на который они напали, не ушел. Но и следующие сети были забиты судачками, которые словно ждали подо льдом, когда их вытнут. Все повеселели. И хотя мороз крепчал, хоть мерзли руки, никто на это не жаловался. Нюрка работала наравне со всеми. «Трудно ей», — неожиданно для себя подумал Митя.

Переносили в санях, накрывшись полушубками и тулупами. Коней подбросили сена и овса, и по всему полукуру, которым выстроился обоз, слышалось громкое хрюстение.

На другой день сети пошли почти пустыми. После нескольких проб пришлось сниматься с удачного места, искать другое. К вечеру вернулись на берег с санями, почти полными рыбы. На лодках курчалась шерсть, но бежали они весело, чувствуя близкий дом.

Зима в тот год стояла суровая. Не раз поливали метель, все вокруг закрывалось белой пеленой. Приходилось пресрывать лед и спешить к берегу. Верный Янка пробивал дорогу впереди обоза. Он принадлежал к той породе лошадей, что не занекают ни в каких книгах и могут выжить лишь презрительный взгляд человека, незнающего с рыбацким трудом. Но опытный рыбак никогда не променяет такого коника, который и черн расщелину перескочит вместе с санями и ездоком, и первый почувст, когда ломается лед, и рыбой прокомит, когда своего корма не хватит.

Палаша у Нюрки распухла, стала красивой, но она мужественно переносила все трудности. Первой бралась рубить прорубы, научалась и «высыпаться» и «ломать» сети, не пугая ее. Андриан Тимофеевич не раз похваливал свою помощницу. Митя реже прихотилось слышать похвалы, хотя он тоже старался по всем сил, «Девчонка, потому ее и хвалят!» — ревново думал он.

Однажды в поисках удачного места обоз отошел километром на двадцать от берега. Сколо светало солнце, уходящее за голубоватую полосу льда на горизонте. В воздухе падали редкие снежинки. Андриан Тимофеевич прикидывал, двинуться ли к берегу или переночевать, чтобы уж догнать сани рано утром. Хорошо бы закинуть сети утратком еще несколько раз! И он решил остаться. А к ночи размылся ветер, погнал поземку, взвихрил ее, поднимая все выше и выше, пока вокруг ничего не стало видно.

Андриан Тимофеевич уже жалел, что не двинулся с вечера домой. Ведь были кое-какие

приметы, обещавшие сильный ветер. Да и метеоусловка еще два дня назад предсказывала его. Но бояться непогоды, так и в море не ходят.

В середине ночи, когда рыбаки спали в санях, укрывшись тулупами, Янка тревожно задрал, стал бить копытами лед. Отозовались и другие лошади. Только рослая кобыла дяди Миши дремала, опустив голову.

Андриан Тимофеевич вскопал. Он хорошо знал, что значит это тревожное рыканье лошадей. Сух и никуда тоньше, чем у человека. Лошади чувт, что где-то, быть может, в десятках километров, ломается лед. Чувствуют они и малейшее дрожание его под копытами.

Необходимо было определить, где же ломается лед. Андриан Тимофеевич привстал: не иначе, как в районе косы. Значит, надо спешить к берегу, пока у посела лед еще цел.

Просыпался и другие рыбаки. Откнули край тулупа, выглянули Нюрка, сладко зевнула. На минуту снова закрыла глаза, но в слухах отоглянул сон.

— Вставай, вставай, — сказал Андриан Тимофеевич, стараясь не выдать охватувшую его тревогу.

Рыбаки запригали лошадей, получили укрывала брезентовой руби.

Митя тоже проснулся, разом вскопал, огляделся. Он почувствовал, как дрожат его ноги в коленях, и никак не мог унять эту дрожь. Он боялся, что Андриан Тимофеевич ил, что еще хуже, Нюрка заметит его испуг. Много слышал он о бедствиях, которые случаются с рыбаками во время подледного льва. Незвместно почему вспомнилось старое рыбацкое поверье: женщина на море приносет несчастья. Хотя не верил Митя в приметы, поспешался вад ними, но тут безрассудливо глянул на Нюрку, заблудиво ухватившую брезент на санях.

— Поехали? — задумчиво сказал Андриан Тимофеевич и замеч-то постукал сапогом о полку.

Янка вял с себя дробной рысью, за ним потянулись весь обоз. Андриан Тимофеевич сидел, подавшись вперед, пытался выгдеться в убегающую вперед поземку. Нет, кажется, чистый вода не вяло.

Неожиданно Янка тревожно заржал, убила рысь. По всему обозу пронеслось конское ржание.

Тучи совсем заволокли небо, лунный свет едва пробивался сквозь них. И вдруг испуганно, перескочив путь, противился ужал черная полоска. Янка вытупил вперед шею, потом все подобрался, вял галопом. Он сделал огромный скачок, перенесся через расщелину, следом за ним перелетели и сани. От резкого толчка Митя и Нюрка едва не вылетели из саней,

покрепче вцепились мерзнувшими пальцами в скользящий брезент.

— Сади послышался отчаянный крик: — Не кидайте меня! Братцы, не кидайте меня!

Андриан Тимофеевич остановил Янку, победил назад к расщелине. Случилось то, чего он боялся: рослая кобыла дяди Миши, не прихвачая к морю, не шла к расщелине. Несмотря на свист коня, она пыталась, тяжело храни, заваливая санки на сторону, грозил сломасть оглобли.

— Братцы, не кидайте меня одного! — со слезами в голосе кричал дядя Миша, размахивая кнутом.

И вядо же было ему из тислявного желания поспешиться хорошей запряжкой взять на колхозной конюшне из рыбацкого коня, а эту большую дуру! Ни за что не прыгнет она через трещину!

— Не бей зря лошадей! — крикнул Андриан Тимофеевич. — Сидишь вертегась.

Янка снова перенесся через черную, бурлящую в трещине воду, за ним последовали и другие лошади.

Куда теперь ехать? Дядю Мишу одного не бросить. Разве забрать его в другие сани, а лошадь оставить? Но Андриан Тимофеевич отказался от этой мысли: лошадь хорошая, большой убыток.

Дядя Миша, понимая, что он подвел свое братство, молчал. Молчал и Андриан Тимофеевич. Понес от его решения, может быть, завалился желтый лодь.

— Погелер к Петровке, — наконец сказал он. — Ветер из-за косы дует, там затешек должен быть.

Снова посыпался звонкое покание конит о лед. Скрип полыхал над постукивание разводов. Проехали часа два, когда впереди снова зачервела вода. Она тянулась километра на три, почти до самого берега. Путь был отрезан.

— Сани остановились. — Выходит, в обратную сторону надо подвигаться, — сказал после долгого молчания Андриан Тимофеевич.

Неохотно повернули лошадей. До другого коня залила километров просек. Успел ли доспеть? А может быть, и там лед поломало? Янка бежал, как той же спорной рысцой. Митя чувствовал, как его пробират дрожь, — то ли от холода, то ли от страха. Временами он поглядывал на Нюрку. Она сидела недвижно, низко опустив на глаза пуховый платок. Выражения ее лица в темноте нельзя было разглядеть.

Так ехали до рассвета. Ветер крепчал, он прохлывтал насковок даже через тулуп. Хорошо бы пробраться рядом с санями, да нельзя, надо топориться. И Митя только поежился, прихлывался боком к Нюрке, чтобы было немного теплее. Говорить ни о чем не хотелось.

Впереди уже виднелся высокий обрыв берега, когда из-за него вырвался самолет. Он пошел прямо на обоз, пошел к тому берегу, откуда несколько часов назад обоз был выгужден вернуться.

— Путь показывает, — сказал Андриан Тимофеевич. — Только ошибается, сани видели, там вода! Неправильные ему сведения дали. — И он хлопнул поожав Янку.

Но детчик не унимался. Он вернулся, сделал полукуру, снова зашел на обоз и показал на направление в обратную сторону.

— Вертайся! — отчаянно закричал дядя Миша. — Он лучше знает!

— Ты молчи! — рассердился Андриан Тимофеевич. — Из-за тебя который уже нас тут хрютятся. Давно бы дома были.

Но дядя Миша не стал его слушать. Он круто повернул свою лошадь и погнал в направлении, куда показывал детчик.

Андриану Тимофеевичу казалось: все видят, как безрассудно поступает дядя Миша. Но не ожидало для него другие рыбаки тоже стали поворачивать своих лошадей. Нет, это рухнула не дисциплина, рухнула авторитет



АГИТАТОР ВЕСНЫ



бригады. И, не глядя на бросивших его рыбаков, Андриан Тимофеевич погнался Янжу к дереву, теперь там уже далеко.

— Раз у Петровки лед ломает, то тут он должен быть крепким,— сказал он, словно оправдываясь перед Митей и Нюрой.

— Дедушка, да ведь летитги шерку лучше видно,— решительно возразила Нюра.

— Ты уж молчи, пугалица! — с неожиданной властью крикнул Андриан Тимофеевич. И, помолчав, добавил: — Берега мне не видеть, чтобы я тебя когда-нибудь в море выки.

Яшка шел легкой рысью, то ли от усталости, то ли ему было скучно бегать, но слыша за собой мерного косяка коней. Но вот он остановился, задрожав всем телом, захрипел. Тщетно Андриан Тимофеевич хныкал его вожжами. Яшка, хрюка, пыхтела. Варгу снова над ним вырвался самолет и полетел так низко, что казалось, сейчас заденет косящую голову.

И тут произошло неожиданное. Нюра молча вырвала из рук Андриана Тимофеевича вожжи и повернула Янку. Косы сразу встала на голое, не несся, низко пригнул голову, и казалось, что все четыре его копыта одновременно ударят о лед.

— Наугад коня, дурак! — сказал Андриан Тимофеевич, но даже не попытался отнять у Нюры вожжи.

А самолет приветственно покачал крыльями, словно показывая, что теперь все в порядке.

Митя чувствовал, как у него постукивал зуб. Нет, он испугался не того, что самолет так низко пронесся над ними. И не того, что, быть может, они едут вступать, ведь сами видели воду. Нет, он испугался за Нюру. Уж теперь Андриан Тимофеевич наверняка ее выгонит, никогда не стать ей рыбацкой. Митя сам не знал, почему ему жаль Нюру. Но он чувствовал, что без нее рыбачить будет не так интересно.

Позад раздался грохот, словно выстрелю орудие, потом еще и еще. Митя обернулся. Там, где недавно были сани, теперь кипела черная вода. Она дробила льдины и, казалось, стремилась дотопить упавшиеся от нее сани. Нюра не оборнулася. Она крепко держала вожжи, губы ее были плотно сжаты, глаза смотрели на дорогу, проложенную ухавамими вперед санями. Нюра даже не видела, как с санями упал вагонет и дедушка Митя, подбежав к нему, прочитал записку, указывающую точный путь.

Андриан Тимофеевич сидел, сгорбившись, втянув голову в высокий воротник тулупа, и не отрываясь, смотрел на хлюпящую черную воду, крошащую льдины. Он даже не хотел взглянуть, куда держит путь Нюра.

Постепенно Яшка стал сбавлять шаг, перешел на неторопливый шаг. Лохматая шерсть его курчалась, бока высоко задвигались. И Нюра, как хлякшим движением руки перемела его на шаг.

— Андриан Тимофеевич, может, покормим Янку? — осторожно спросила она.

Старик даже не повернулся. Нюра подумала, остановила Янку, раздала ему. Лошадь стала жадно хватать губами снег. Нюра положила Яшке охапку сена. Андриан Тимофеевич все так же безучастно сидел на санях. Митя покосился на него, осторожно, чтобы не испугать старика, спустился на снег, опустив ноги на лед, привалился бегать, чтобы разогреться.

— Нюра, ты тоже побегай,— шепотом сказал он.— Замерзнешь.

Ничего, так и так отговаривала она. Сидела с себя тулуп, укрыва дымчатого Янку. Похлопала крест-накрест руками, несколько раз пробегалась вдоль сани.

Митя вспомнил, как во время уборки хлеба он бросил на транспортер венник, желая

подразнить Нюру. От этого воспоминания стало стыдно. Если б Нюра, лежала бы она все на морском дне. Пришла мысль: никогда не давать Нюру в обиду.

— Дедушка, пустите, овса Янка надо дать,— робко попросила Нюра.

Старик глянул на нее, нехотя понахмурился, потом встал, вынул из сани, крикнул, побежал стариковскими короткими шагами. Пробежавшись несколько раз, он сел на старое место в сани, поправил воротник тулупа и снова замер в неподвижной позе.

Нюра в неторопливом хрустел овсом, временами фыркая, выдвывая из ноздрей пыль. Подобрала последние зернышки овса, он поел еще снегу. Нюра вызвала его, села в сани, взяла вожжи.

— Давай, Нюра, я,— вытолкнула предложа Митя. У тебя рубль замерзает.

— Ничего,— отговаривалась она, но вожжи передала.

Отдохнувший и сытый Янка бегал весело, поднимая одно ухо, словно прислушиваясь к звоночку покормив своих коней. Как ни резво бежал он, дотопить обоз не удалось. Видно, еще долго придется дожидаться напуганного рыбака.

В сумерках сани поднимались на высокий обрыв. Началась широкая улица. Митя не знал, куда ехать, остановил Янку, поглядывая, не покажется ли кто-нибудь, чтобы узнать, где остановился рыбака.

— Направо сворачивай,— сказал Андриан Тимофеевич.— В правлении они должны остановиться.

Проехали с полкилометра, когда Янка заржал и сам повернул к высоким юрким воротам. Лошадь отделила ему правым рукавом. Завлажив мерные пеглы, сторож в тулупе открыл ворота и сказал:

— Тут вас уже похоронили. А я говорю: Андриан Тимофеевич не из таких был выходя.

Соситя с сани, Нюра и Митя отпустили распрячь Янку, но Андриан Тимофеевич молча отстранил их. Он сам распряг Янку, укрыв тулупом, объявля вожжами, чтобы тулуп не сполз, когда Яшка ляжет. Кинула сена и тогда деловито спросил у сторожа:

— Рыбачили славная?

— Какой там! Поели — и сразу спать.

— Ну, значит, до утра.

Сквину в сених тяжелые, промерзшие сапоги, Митя и Нюра вошли в дом, где вповалку сидела Нюра. Сидела она в тулупе, губы, развязала платок. Митя смотрел на нее. Губы у девушки так обветрились и потрескались, что казались белыми. Нос покраснел и блестял. Но только теперь Митя понял, что Нюра — красавица.

— Есть хочешь? — спросил Митя.

— Не знаю. Спать хочется.— Она села к столу, опустив голову на руки. Через минуту поднялась, спросила: — Где же дедушка? Он и так намерся.

Митя не хотел было выходить на мороз, но он все же вышел на двор.

Старика во дворе не было. Митя посмотрел на первые загорающиеся в небе звезды. Вот ведь как бывает, ни одной тучки. И ветер стих. Только мороз стал еще крепче, снег так и валял под ногами.

Приближалась чья-то шаг. Андриан Тимофеевич вышел к калитку, подошел к саям, достал сумку с едой.

— Чего стоишь? — сказала он, увидев Митя.

— Пошли в комнату.

Он влезал на столе продукты, изврал тонкими ломтиками розовое сало, порезал хлеб, развернул соленые огурцы и тогда торжественно достал из кармана штанов бутылку водки. Подловивши три стакана, стоявших на столе, наполнил в один стакан побольше — для себя, в другие поменьше.

— Выпей, Атушка,— сказал он, пододвигая Нюру стакан.— Ничего, с мороза это можно.

Только раз в жизни привелось Нюре выпить водки — на свадьбе старшего брата. Обычно в семье все праздники отмечались домашним мутоватым вином. Нюра не любила его, и когда все чокались и пили, она предпочитала есть сладости — куда приятней. Но сейчас она взяла стакан, чоканулась с Андрианом Тимофеевичем и Митей, неторопливо выпила, подождала, сложив губы колечком. Она понимала: это Андриан Тимофеевич не просто угощает ее с мороза. Нет, старый бригадир принимал ее теперь как равную в большую рыбацкую семью.

Зима никогда не уходит спокойно. Морозы беснуется напоследок. Теряя силу, весною стареются. Ну и пусть. А весна неизбежна. Весна неизбежна. Она начнется. Лучи зазвенят, и в чернеющем небе Зазеленеют звезды.

Весна наступит стремительным шагом: С пути своего она гордо свлечет. В черноте сна превратит рекушку В бурлящее море. Не останешь! Ничем напора весны богатырского.

Земля, влюбленный обласкана солнцем, Набухла свежестею, словно почва. Вот-вот взорвется вспененной буйной. Смотри, как дышит земля неровно. Она похожа на человека, Который устал от тяжелой работы, Но уже скучает по нояви.

И кажется мне, что земля умоляет: «Труди меня тупою. Дройки бороною!» И набегоса к земле и слышу: Как чую стомо щекочет несмело Пробившая почву булыника травы.

Весна, и твой агитатор навеки, И обращенный в людей с призывом: Весну не ждуть. Весну начинаю! И именно мы начнем ее, Потому что большое людское сердце — Звонкоголосой весны начало. Основа весны свои черпает силы, Отсюда истоки берет в полове.

...Так выпускает же из сердца весну!

Я верю: наступит такое время, Когда востанет твой лета, ни осени, Ни зимней стужи с ее завываньем, А будет она сплошная весна.

И я, весны агитатор, славно Запах солнца, слышу травы.

В жизнь мою незаметно и просто Ты войшь — без звука и спра. Пришла.

Навела беспорядок. Разбросала по дорогам. Груди книг и груди тетрадок — Хлопотливых нехитрых хлам. Протядла из комнаты сон, Отродинула прочь работу, Собой наполнила все — Единственной стала работой. Я выначел хотел приглядеться. Был корякнет.

Галтуя. Я выначел ласково действовал. Говорил: «Не мешай, пожалуйста». Но слова уплывали мимо, И тогда, поминая черта, Для ее выкуривать дымом стробилом курить сорга.

Есть ты уби завалью эказем! Ко всем чертям провались ты Со своим большими глазами! Не стесняйся, я бил на жалость: «Так нежить. Человек ведь гибнет. Если ты уби пришла и осталась, Так помоги мне!» ...Но она, как всегда, молчала, И молчанье не было страшным: Ведь она и сама не знала, Что живет у меня постоянно.

ОНИ КОНЧИЛИ УНИВЕРСИТЕТ В САМАРКАНДЕ

Фото О. Кнорринга.



Иван Иванович может рассказать увлекательную повесть. А, кстати, эта повесть весьма пригодится на экзаменах.

Фанна Икрамова Икрамова окончила среднюю школу № 8, а несколько лет спустя, пройдя университетский курс, вернулась сюда уже директором. Школа эта одна из лучших в Самарканде: первая по политиканзации. Здесь недавно построена учебная мастерская. Там мы и застали Фанну Икрамову (фото 3).

Восемикласснику Толмубу Озлову раньше никогда не доводилось стоять за ткацким станком. Но директор школы и преподаватель прятинума Иван Алексеевич Мук уверены, что со временем Толмуб получит пятерку и по этому предмету.

Самаркандский университет окончил и нынешний председатель горисполкома депутат Верховного Совета Узбекской ССР Сафар Саттарович Хамдамов. Мы встретили Сафара Саттаровича на одной из строек (фото 4).

Вместе с начальником строительства Михаилом Андриановичем Рабеном — председателем горисполкома, обходя строительный участок.

Открыто вам секрет, с улыбочкой сказал Хамдамов: «Недавно мне критиковали за невнимание к этой стране. Критиковали правильно, но что подделали: хозяйство большое, не сразу видно поспешить».

Городские хозяйства действительно не маленькие. Как и всякий советский город, Самарканд строится, растет, реконструируется. Недавно лет назад здесь не было ни одной асфальтированной улицы, а теперь асфальтом залито около ста сотен тысяч квадратных метров местных. Скоро будут пущены первые троллейбусы, которые заменят медлительный, грохочущий трамвай.

«Иницица Узбекстана после революции» — так называлась дипломная работа выпускника исторического факультета Самаркандского университета Шарина Каболовой.



Если этой темой снова заинтересует кто-нибудь из студентов-выпускников, то он наверняка приведет в качестве примера жизнь самой Каболовой.

«Молоко имени Карла Маркса теперь перерабатывает Самаркандский район. Его годовой доход исчисляется суммой в три с лишним миллиона рублей. А ведь пять лет назад председателем колхоза Шарина Каболовой приходилось заниматься в долг у других колхозов сено для скота. Много ночей не спала она, думая, как наладить расщепление хозяйства».

А вот теперь и Каболовой пришла присадить соседнего колхоза за Салом Иргашев: он просит помочь семенами риса (фото 5).

И не стыдно обращаться за помощью и женину? — шутит она.

Г. КАЛИМОВСКИЙ

Самарканд по праву считается городом-музеем, городом изумительных архитектурных памятников, древних легенд и преданий. Здесь высится могучие, обитые цветастыми квадратными мозаикой минареты Регистана, поднимаются ступенчатыми купола мечети Шах-и-Зинда, всеен красавица радути переливается недавно реставрированная усыпальница грозного Тимура.

Человек, впервые попавший в Самарканд, часами не может оторваться от бесмертной красоты, созданной неведомыми людскими и велятлями. Опыленный новизне драмизмом своей старины, он, пожалуй, не сразу обратит внимание на серое, ничем особенным не примечательное здание Узбекского государственного университета имени Алишера Навои.

— А иногда его умышленно не хотят замечать. — сказал нам ректор университета, член-корреспондент Узбекской Академии наук, профессор Кадир Заирович Заиров. — Одному высокопоставленному закорному туристу предложили заглянуть к нам в гости, но он отказался. Походил только около исторических памятников, отведя пиюва, а после, говорит, напился, что Узбекистан — и сейчас забыта, осталась иранка, чуть ли не иондония. Но мы не биваемся. Есть пословица: «Слепому и в полдень солнце не светит».

их дети могут стать учеными (фото 1). До революции в Узбекистане многих учебных заведений, кроме духовных школ, где с утра до ночи зубрили кораны, не было, а самым образованным человеком считался мулла.

Ректор Узбекского университета прошел обычный путь комсомольца: первых лет Советской власти. Сначала рабфак, потом биологический



...Студенты, которые пришли сегодня на очережную консультацию к своему ректору, конечно, не помнят тех времен, когда простым крестьянам, живущим в глухих кишлаках, даже не верилось, что



факультет. Когда Заиров был на третьем курсе, русский ученый Николай Алексеевич Меркулович заметил выдающиеся способности студента и поручил ему читать первокурсникам лекции по ботанике.

В 1937 году Кадир Заирович защитил кандидатскую диссертацию, а в 1951 году за работу «Флора и фауна бассейна реки Зеравшан» ему была присуждена ученая степень доктора.

Довершую диссертацию в защитил в Ленинграде — рассказывает Заиров. — Один оппонент прочел ее и удивился: «Тут ведь две темы: флора и фауна. Напрасно объединили». Я ему ответил, что главная задача моей работы одна: практически помочь земледельцам и животноводцам. А им все равно, сколько в ней будет научных тем... Сейчас в Самаркандском университете на стационарном отделении учатся три тысячи триста студентов и три тысячи шестисот занимаются заочно.

Что касается старины, то некоторые самаркандцы любят ее не меньше приезжих и туристов. Заскучив по городу вместе с кандидатом исторических наук Ивановым Ивановичем Углицовым — президентом для студентов (фото 2). О каждом уголке Самарканда, о каждом назине



Е. ЦИГАЛЬНИЦКИЙ

Лесорубы

Желтые листья, о желтые листья,
Сквозь рассыпано вас вокруг!
Кружится ветер осенний со свистом,
Птицы, спеши, улетают на юг.

Вот она, осень далекого Севера,
В тучах, в косматых туманах идет.
Скоро с последнего желтого дерева
Самый последний лист упадет.

Скоро закружит метель снеговая,
Желтые листья и лес заметая,
Птицы умолкнут.

Реки уснут.

Первые тропы в тайге пролагаю,
В эти места лесорубы придут.

Сосны стоят, занесенные снегом.
К ним подойти надо и откопаться.
Пыль снеговую

взметал до неба,
Падает дерево, чтобы опять
Матчой
высоко над миром стоять.

Кружится, кружится снег над полями.
Но по болотам и чащам вперед,
Путь пробивая в лесу топорами,
Медленно к морю бригада идет.

Голы пройдут, и сверкающий поезд,
Взав направленные на Северный полюс,
По обжитой побегит стороне.
И вспомнит люди об этом авене,
Как, проваливаясь в снег по полюс,
Шли комсомольцы в морозном огне.

г. Москва.

А. СМОЛЬНИКОВ

Мы в наступленье идем!

Писал мне с переднего края
Мой друг перед новым боем:
«Крутом канонада такая,
А мы в наступленье идем!

А мы наступаем, товарищ,
И к западу катится бой,
И едкие дымки пожара
Редеют у нас за спиной».

Мой друг не вернулся из боя,
Он спит под могильным холмом.
Но слово его не зарешет —
Живет «В наступленье идем!»

И слышится в нем, не смолкая,
Не танков, а тракторов гром.
Нехожены степи Алтая,—
А мы в наступленье идем!

А мы наступаем, товарищ,
Заводы над Волгой гудят.
И пышат огни —

не пожарами,
Дымы — не пожарами —
не пожарами — стают.

И утром, газету читая,
Ты гордо башкой на весь дом:
«Две домны задуты в Китае!»
Ура! В наступленье идем!

И, видя сверхплановый колос,
Сверхплановый ковш с чутнуном,

Ты крикнуть готов во весь голос,
Что мы в наступленье идем.

Что крепче мы все год от году,
Что слово у нас все сильней —
Ведь это меняет погоду
Над крышами наших друзей.

И пусть их пути еще длинны,
Ну как не поощрить их нам:
Стальные бойцы Хо Ши Мина
В боях отстояли Вьетнам.

В лесах новостроек Корея
С Китаем идет заодно!
Победное знамя над ней
От наших знамен зажжено.

Его не погасят, товарищ,
И бомбой его не сметут.
Огнями корейских пожарниц
Над Африкой зори цветут.

Цветут по всему небосводу
Великим свободы огнем.
Горичка пынче погода,
А мы в наступленье идем.

А мы наступаем, товарищ,
За мир развернется порою
Зарницы великих пожарниц
Во весь горизонт над тобой. —
г. Москва.

В. БЕЛОУСОВ

Город юности

Мне знаком он совсем недавно.
Скоро год, как расцветшей порою
Я из такси на главную
Магистралью его прямой.

Мчался «МАЗы» колонной частой,
И звенела где-то гильям «ДОК».
И хотелось мне крикнуть: «Здравствуй!
Здравствуй, юный мой городок!»

Корпуса по песчаным склонам
Разбросались в расцветную синь,
Обруженные стражей зеленой
Из дубков молодых и осин.

Золотистые, легкие брызги
Солнце бросило в Янгуан...
Город этот вдруг стал мне близким,
Как частица родной земли.
г. Куйбышев.

Борис ОЗЕРНЫЙ

Тревога

Кругом покой: ни шороха, ни звука,
Мягчит бледный месяц за рекой,
Горит костер, и пахнут ветры юга
Весенним чебрецом и реседой.

Горит костер, влетает кверху пламя,
И, кажется, такой простор мечтам...
Но это-то ходит рысьими шагами
То здесь, то там...
То здесь, то снова там...

Вдурт пролетит встревоженная птица
И скроется, оставив в сердце след.
А может быть, мне это только снится?
Все может быть... А может быть, и нет.

В песке торчат зеленые обоймы,
Напоминая в тихий час весны,
Что есть враги,
Что существуют войны.
И мир далек от мирной тишины.
г. Саратов.

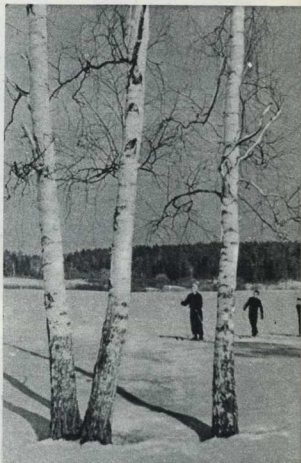


Фото И. Чирнова.

Лев КУКЛИН

Своими руками...

Мне надо все сделать своими руками...
Ты стала в дверях,

на разлапку сетуя.
Возможно, ты и права отчасти.
Сегодня опять угроза по свету я
Искать свое неагекое счастье.

Растут громады стекла и бетона,
Огнями далеких строев маня.
Ни Камскую ГЭС,

ни князя Воаго-Дона
Не могут выстроить без меня.

Мне надо все сделать своими руками —
А дел не измерить на нашем веку!
Цемента замесить,
и отгранить камень,
И прочно на место пригнать стрелку.

Я жить не могу по размеренным
графам
Контурских привычек: от А до Я.
Я знаю: заграничная биография —
Это сегодняшняя жизнь моя.

Мне надо все видеть своими глазами,
Потрогать на ощупь,
проверить на вкус.

А разве узнаешь,
как мир осязаем,
Коль жизнь изучаешь
в музее искусства?
До встречи, любима!

Солнце и ветер
Открыли шагбауму весенних дорог.
Я знаю, что счастье живет на свете,
И я его сам приведу на порог.
г. Ленинград.

В КРАЮ ЗОЛОТА

ДОРОГА

1

Поезд шел навстречу заре. Впереди его ждали сотни стаяний и подстанков, рядылые степи, глухие леса... Первые часы пути в дороге не сложились пестры. Потом они надоели, и пассажиры припили к окнам. Минувший день с его суматошными сборами, сдержанными вздохами родных и близких вывернулся из памяти. Приходили новые мысли, чувства. Поезд спешил в Сибирь. Путь был долгим: в город Бодайбо.

Василий Доросинен, высокий, плечистый парень в солдатской гимнастерке, весело кричал деушам:

— Что приуныли? Морозов излучается? Держись за меня крепче, золото уже близко... Деушки отмахивались: больно нужно им золото, но в этом еду! —

— А над морозами ты не смеялся, — хмурился старик, говорил Тозерева, мастер одного из больших московских заводов. — Смотри, как бы сам не приуныл!

— Кто? Васяня унывать будет? Да ни в жисть! — вступали в разговор два друга-приятеля, Лашаков и Безбородов: один шофер, второй — слесарь из города Кузнецка. Они как зашли перед отъездом, так и протрещивались всю дорогу.

Тозерева выиграла Лашакова и Безбородова из купе и снова поудобнее усаживалась у окна. Все с нетерпением ждала, когда наконец введут в Амур, и были разочарованы, не заметив резкой грани между двумя частями света. По сторонам от железнодорожного полотна попеременно лежала желто-зеленая степь.

— Ну в Сибирь. Где же тайга? — Доросинен, дружелюбно заискивая на окна и махал кепкой. — Извозчик, не туда везешь, поворачивай!

Зато, когда за Новосибирском на поезд степной пошел лес, все ахнули от восторга. Так вот она дикая — тайга! Неприглядно черная, густая, таинственная... Казалось, тайге нет ни конца, ни края. И точно так же, как недавно все охладели к степи, так и сейчас быстро «насытились» лесом и уже вводяноду прожвали глазами развалистые ветви веков. Не находил себе больше внимания, пассажиры бродили по вагону, осязая проводника одним и тем же вопросом: «Скоро ли?»

Не давали покоя и представителю треста «Лензолото», бритоголовому мужичку в дорожном сером костюме и высоком грубом сапогах. Его замучили расспросы о Бодайбо. Довольно улыбаясь, он перенесал, загнывая пальцы, что есть в городе: горный техникум, средние школы, стадион, два парка, несколько кинопленок, магазины...

— Ты о золоте, о золоте рассказай! — перебивал его Безбородов, натягивая на уши рыжую кепку с маленьким козырьком.

— А что о золоте? Металл он и есть металл... Вы, товарищи, будете работать на строительстве, первое время, по крайней мере. Нам очень строители нужны. Шахту строить, механические мастерские, жилые дома... А золото от вас не будет.

— Ну, это мы сами будем решать, где нам работать, — неслышав слова Лашаков и уходил прочь, соорудивший своим неземным слитником Безбородовым — костюмным парнем, на широкой груди которого был вытатуирован какой-то эзотерический пейзаж.

Бритоголовый украдкой глядел им вслед. Встретив очущийся взгляд Тозерева, думал: «Нет, не все так же... В основном-то народ хороший, настоящие комсомольцы!»

2

В Бодайбо прибыли под вечер. Покинув в Усть-Куте обжитые вагоны, все разместились

на плавом колесном пароходе, который с трудом преодолевая течение, поплыл к городу.

Сумерки помешали сразу разглядеть город. Был виден лишь темный косогор, на котором раскинулись низменные строения. Берег казался пустынным. С парохода бросили парю широких досок-сходней, и в ту самую минуту, когда они коснулись берега, откуда-то сверху рывком орастр. И берег мгновенно ожа. Сотни, а то и тысячи людей, стоявшие до этого в молчании, закричали что-то, замахали руками, зааплодировали.

Когда Тозерева сошла на берег, ей сувуны бужет цветов, и чья-то жесткая рука до боли сжала ее руку. Тозерева не позволила нести ее вещи. Они шли перед ней по воздуху, передаваемые, словно эстафета...

И все время, пока москвич выгружался с парохода, не смолкала приветственный гул и играл духовой оркестр: четыре трубы и барабан...

Бодайбо раскинулся между рекой Витимом и грядой сопок, покрытых молодой тайгой. Город невелик, его легко обойдешь часа за полтора; дома в основном одноэтажные, деревянные, тротуары тоже деревянные.

Выйдя наутро осматривать город, Тозерева прежде всего пошла к Витиму, к тому месту, куда вчера пристал пароход. Она спусталась к воде и присела на облобок гранита. Река по-прежнему была просторной. Противоположный берег, казавшийся сверху сравнительно близким, вдруг отодвинулся куда-то вдале. Срединка реки выгугалась и отливала серебром. Тозерева сгинула босоножки и вошла в воду. К ее удивлению, вода оказалась не холодной, зато течение прямо вялело с ног. «Как же купаются тут?» — растерянно подумала она и долго потом сидела на берегу, все в силах отвести глаза от Витима — серобристо-непного, стремительно, бесчеловечного.

После Витима город казался неприглядным, маленьким... Тозерева медленно шла по улицам. Но, странное дело, чем дальше шла она, тем больше приятных черт находила в этом незнакомом городке. Дома были хотя и старые, но крепкой, добротной постройки. Они уверенно

держались на земле, и приземистая осянка их как-то по-особому гармонировала с окружающими горам скалистыми сопками. Нравился Тозерева и люди этого далекого города. Она вдруг поймала себя на мысли, что ей очень хочется познакомиться с кем-нибудь из бодайбинцев. Навстречу ей шел какой-то парень в промашенной рубашке с закатанными до локтей рукавами.

— Товарищ! — промолвила она и залузуясь, поняв, что поведение ее смешно. В самом деле, что сказать парню? — Товарищ! — повторила она, — где тут трест «Лензолото»? Бодайбо, конечно, не Москва, но заблудиться у вас тоже можно...

— Бодайбо! — строго поправила парень и улыбнулся. — Москвичка, да? Вера пришла? Парень взялся проводить ее. Звали его Сашией, фамилия — Салухатдинов. Вверх он ходил встречать москвичей и, кажется, видел на берегу Тозерева.

Несколько минут они шли молча, потом Сашия спросил:

— У нас тут кое-кто говорит, что из Москвы едут только те... — он замолк на мгновение, — кому-то в Москве не устроено... Верно это?

— То есть это как? — переспросила Тозерева. Вопрос Саши показался ей настолько нелепым, что она расхохоталась. Замесляя и Сашия,

3

Бодайбо не Москва, но Артем — это даже не Бодайбо. Артем — маленький приковский поселок в семидесяти с лишним километрах от районного центра. Узкоколейка, соединяющая Бодайбо с Артемом, пролегает по суровой, неприглядной земле.

Настроение у ребят было испорчено. Все уже настроилось, что будут жить в Бодайбо, как вдруг неожиданно раскружилось степь дальнее. Только Лашаков и Безбородовым были доволны: как же, поближе к золоту будет! У Тозерева прямо кулачки чесались, когда она видела эти две пыльные реки, слышала их разглагольствования о золоте. Ей вспоминался Сашия Салухатдинов и его вопрос:



Такой вид открывается на город Бодайбо с линии железной дороги.

Тозорова нашла Доросица, стала рассказывать ему о Лашкакове и Безбородове. Тот молча выслушал ее, махнул рукой:

— А черт с ними! На месте обломается. Тут и не таких обломывали!

Доросицэ зыбко повел плечами и стал смотреть в окно.

— Места-а... — глухо проговорил он, и в голосе его Тозорова услышала страх. — Смотри, — вдруг потянул он Тозорова за рукав, — смотри, дом затопило!

Но это оказалось не дом, а самая настоящая драга, о которой каждый из пассажиров столько наслушался еще в Москве. Чудесная машина: сама и роет золото и моет его, заменяя сотни старателей.

Внешне драга и в самом деле похожа на дом:этакое почти кубическое, крытое тесом сооружение с окнами в три этажа, с «подъездом» и крышей. Но на этом сходстве с домом кончается. С одной стороны драга на мощных цепях висит ковш, с другой — торчит хвост-транспортёр, по которому в привалы сбрасывается обработанная порода. Привали действия драги ребята уже знают: ковшы со дна реки черпают землю, в которой «ороссылено» золото. Земля падает в гигантский установленный наклонно барабан с боковыми отверстиями. Барабан этот вращается, и в него под сильным давлением подается вода. Золото, как наиболее тяжелая часть породы, проваливается в отверстия, попадает в наклонный желоб, по которому бежит вода, и оседает на дне желоба. Оттуда его сметают метелочкой.

Упомянувшие о метелочке рассказали ребят. Уж больно не влезало это огромное сооружение, воздуженное на понтоны, — и метелочка.

— Метайло, значит, золото подметают, вешиком березымы? — шутили ребята.

После встречи с первой драгой и особенно после того, как впереди показались копы «золотых» шхат, которые внешне ничем не отличались от угольных, настроение в вагоне изменилось. Нечеткая подальность, вызванная расстоянием с Бойдыбо и суровость тайги. Представитель треста рассказывал, что как раз в этих местах, где они сейчас едут, в апреле 1912 года произошли события, вошедшие в историю рабочего движения.

Когда поезд съездал пятиминутку передышку на станции Апельськее, из вагона вышел скромный белый облезек. Он стоял посредине зеленого поля, на котором четыре десятилетия тому назад разразилась кровавая трагедия — Леснякский расстрел.

В вагоне стало тихо. Может быть, только тепер комсомольцы в полную меру поняли, в какие далекие и замечательные места они приехали...

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

1

Таких поселков, как Артем, по земле нашей разбросано много. Они стали неотъемлемой частью почти всякого промышленного района. Поля сюда впервые, думается, появились на каком-то огромном распыленном предпринятии, а жилые дома отступили здесь случайно. Потом, привыкнув немного, начинаешь разбираться в хитросплетениях улиц и шхат, наконец даже осмелев предстать в казенных тебе прежде незнакомых помещениях с их водским двором, огорода, засаженого картошкой, с шахтным отвалом.

Огромные шахтные отвалы были первым, что увидели москвичи, прибыв в Артем. Рядом извивалась рельсы узкоколейки. Но железка — слово это как нельзя лучше подходит к местной дороге — поминуто! сновали итрусившие паровозики, таща за собой такие же итрусившие платформы, и вагончики с маленькими окошками. Платформы гружены бревнами, крепким лесом, а из окон вагонов выглядывают мужчины и женщины в характерных шахтерских шапочках. Поезда эти зовутся непонятным словом «маркасы».

Поездок рассказчик между шахтами, в основном старыми, давно уже отработанными, на склонах пологих сопек, с которых еще несколько десятилетий тому назад извлекли на горные нужды весь лес. Поблизки к станции — дома старые, ветхие, некоторые из них простоят, если едва ли не сотню лет. А в стороне, за неувыженным густым кустарником, — новые. Тут взбрзгает на сопку теперь уже фактически самостоятельный от поселка поселок Смольный.



Речной трамвай на Витиме.



Город Бодайбо. Памятник павшим в боях за Советскую власть в 1919 году.

Каждое утро, когда из-за дальних сопек медленно выплывает солнце, испривично спящее и желтое, но вовсе не такое жаркое, как этого хотелось бы, над поселком раздаются тонкий посвист «маркасы». Маленькие вагончики, петляя между шахтами, добираются до Смольного и останавливаются у новых домов. И сразу же с шумом распахиваются двери подъездов, и оттуда вылетают парни и девчата — ичерники москвички. Перелазывая на ходу шхатками, они занимают места в «маркасах» и едут на работу: на строительство шахт, в механические мастерские, на дальний конец поселка, где воздвигаются новые жилые дома.

2

Шло заседание бюро комсомольской организации поселка Смольный. Это было не первое заседание, и, тем не менее, для членов бюро оно оказалось не совсем обычным.

До приезда на золотые прииски большинство членов бюро шло сюда не было на комсомольской работе, и совсем не потому, что они считались людьми неподходящими. Просто здесь находились другие — более активные, более смелые, которым ничего не стоило подняться

с независимым видом на трибуну и в присутствии начальства обрушиться на недостатки. А нынешние члены бюро раньше держались в стороне и не особенно задирали тем, кто постоянно «спроказал» в комитет или бюро. И вот теперь их избрали в бюро. Сидя на собрании, они с удивлением слушали, как фактически незнакомые им люди, поднимаясь с мест, называя их фамилии, говорили хорошие, теплые слова. Разумеется, они не возражали против этих слов, хотя и были смущены. В глубине души они надеялись, что справится с поручением. Однако, собравшись на первое заседание, члены бюро ощутили в груди холодок сомнения. Они считали, что бюро обязательно должно, во-первых, «стануть впросьм», во-вторых, «решать вопросы». Но вот беда: не было вопросов, ничего пока было решать. Выбора секретаря? Сделать это оказалось нетрудно. Они мало знали друг друга, и как это бывает у людей хороших и честных, каждый считал, что сосед — человек более подходящий, более достойный для такого ответственного дела, чем он сам. Поэтому все без спора и возражений приняли предложение представлять райкома избрав секретарем Васю Доросица. О нем было сказано, что он раньше участвовал в комсомольской работе,

давно демобилизовался из армии. И всем показалась такая критика справка вполне достоянной. Так же быстро произошло распределение по секторам. Кабая разница, чем заниматься: культмассовой работой или политмассовой, когда толком не представляешь себе различия между ними? Правда, представитель райкома выступил в заключение с инструктажем, но он почему-то больше говорил о задачах бюро в педом и закончил так:

— Ваше бюро, товарищи, должно поднимать вопросы, способные увлечь, подбоить и захватить молодежь!

Слова эти понравились. В самом деле, рассудили члены бюро, если уж братья за что-то, так пусть это будет по-настоящему большое и важное дело. На мелочи размениваться не стоит.

Однако дел больше сразу не нашлось. Слишком далеко, а под руки лезла всякая мелочь: составить списки желающих учиться в вечерней школе, утвердить редколлегия стенограммы, вывесить расписание о работе кружков художественного самонаблюдения, а также приходить на работы, митинги или, когда собрался на первое заседание? Ясно, что нужно что-то другое. И они приуныли, с неохотой откликнулись на призывы Тозорева, избранной заместителем секретаря, «сплошь повелевать» приходило к секретарю, вконец. Особенно быстро слова Доросниченко. Сначала он завернул куры, требовал, чтобы без него ничего не решалось, покрывал на членов бюро, потом был по каждому вопросу читать нотации. Потом стал тише — загрусил. И причиной было не столько несожество в бюро и даже не инертность ребят, о чем Доросниченко был распространяться часами, сколько жизнь на новом месте, показавшая ему такой серой и скучной.

Назначенный бригадиром камешников, Доросниченко не сумел организовать работу бригады. Вместо того, чтобы следить за дисциплиной (бригада его оказалась одной из худших: что ни день, то несколько прогулов), он соорудил с прогарами, обвиняя их в том, что они будут бы недовольны его бригаде, саму трудную и плохо оплачиваемую работу. Он заставил с жалобами к начальнику прииска. Выявляя после каждого такого визита на строительство приезжал кто-нибудь из уравнильцев, потом руководивших наемными сталевыми, а затем и возчиками прикладов; прощали дефракцию правильно. Тогда обоим обиделись Доросниченко стал потихоньку погугрывать руководство прииска. На работу в бюро он теперь совсем махнул рукой, и когда однажды Тозорев напомнил ему, что он давно уже не собирался, раздраженно ответил:

— И слава богу!

— То есть это как?..

— А вот так! Ну что ты на меня глаза вытаращишь? Позаседай, похозяйствуй!.. А толк какой? С кем захватить? С кем?.. Он покосился на Изыольду Муравьеву, тихую круглолицую девушку. — Тоже мне — бюрок!.. Бездарей навихлял и рыль!..

— Каких бездарей, кто навихлял? — почему-то шепотом спросила Тозорева. — Ты что болтаешь?

— Оставь его, Зина, — вмешалась в разговор Изыольда. — Это мы бездария, а он гений! Руководителю!.. Только помни, — повернулась она к Доросничку, — тот, кто умеет, тот делает, а кто не умеет, — руководит!.. Так, как ты, руководит!

— Чего, чего? — растерялся Доросниченко, но девушка уже не было перед ним. Остепеленно сплюнув под ноги, Доросниченко выругался. В эту минуту его ослыжили Лашаков и Безбородов. — Какая бездарность! — Васильев вынул из них лучше... Айда к нам, мы, брат, конячку раздобудим!

— Лашаков и Безбородов давно уже обрели худую славу на приiske, Прибыль, или они категорически потребовали, чтобы в присутствии секретаря райкома, представителя власти. Когда им сказали, что свободных вакансий нет, они, улыбаясь, ответили:

— Ничего, мы люди не гордые, можем и поодолеть. И начинал гугать, пропавшая подпольем. С ними пробовал говорить секретарь райкома партии, приезжавший в Арент приобщиться с новоселами. Но Лашаков и Безбородов вели себя так, что секретарь райкома, выйдя от них, удрученно спросил Доросниченко:

— И что в Москве думали, когда направляли нас таких?

Доросниченко устало пожал плечами: дескать, кто знает, о чем думали в Москве... послал, и воел! Секретарь поинтересовался, обосудились ли на собраниях поведение Лашакова и Безбородова.

— Нет, не обосудились, — ответил Доросниченко. — Что же это вы, дорогие товарищи? — удивился секретарь. — Сделайте это, и пожелает! Комсомольские путевки отберут!

Доросниченко кивнул головой, но когда секретарь отошел от него, пробормотал:

— Обосудят, обосудят, пожелает!.. А чем ребята виноваты, что им по специальности работу не дают? В конце концов мы не закончили еще казю-кабю, чтобы работать там, куда пошлют! Мы сюда добровольно ехали...

Тозорева, слышавшая слова Доросниченко, приблизилась к нему разгневанно лико:

— Боути! Скажи это секретарию, пока он здесь.

— Что я, дурак! — Доросниченко презрительно скривил губы, но сердце его пугнуло жалось.

— Вспоминаю все это, но решительно смотрю на Лашакова и Безбородова. Они никогда не нравились мне, но еще более неприязненно их чувства вымыслили в нем сейчас и Тозорева и вообще все другие. Все!..

— А будь что будет! Все равно хорошему! — махнул он рукой.

— Как спутся Доросниченко сидел на гуляной койке Лашакова и, размазывая по щекам

Яков БЕЛИНСКИЙ

«Над рекой Ангарою девчонка жила!..»

На строительстве ГЭС у ангарской воды Появилась Анюта из деревни Янды.

За плечом у нее — сумдучок из досок,
А в руке — с голубицей лесной тусюк...

В комсомольской бригаде особая работа,
Словно буря, прохочет бетон в бутерброд,
И вибраторы в смуглых руках у девиц
День и ночь, ночь и день, не смолкая, гудят.

Но Анюта тогда, при начале пути,
Дала венчик ольховый, сказала: — Мети!

Дали планш:

— Пошли! Помни первый закон:
Любит нежный уход, любит ласку бетон!..

Как посмотрит, как глянет Анюта
Вокруг —
В небе концы, словно дым нащепили на крюк.

Упирается в тучу, куда чужая стрела.
И рещила Анюта: «До чего ж я мала!..»

Дни за днями летят быстролетно, как сон.
Вот и дали Анюта комбинезон,
Вес в карманах, вес в «молиниях»
комбинезон,
Веник взяли — Анюта пошла на бетон!..

По стremянке с бригадой идя в котлован,
Посмотрела Анюта на башенный кран:
Он, так, как же работал, уверен и хмур.
Что, велик?.. Да, велик... Только
не чересчур!..

Все росла и росла из бетона стена...
А Анюта? Анюта? Росла и она.

Гребни туч задела девчонка плечом.
Ей любая работа была ничтожем...

И однажды взглянула и видит: внизу
Кран знакомый приносит свой груз на весу.

— О-го-го!.. Эй, железный! Скажу,
не груби:
И ведь нынче повыве, побольше тебя!..

И заплеч, спокойно берясь за дела:
«Над рекой Ангарою девчонка жила!..»

Пьяные слезы, жаловаясь на жизнь, на судьбу,
которая занесла его сюда, в такую глухомань,
где даже нет приличного кинотеатра, где зар-
ботки — и те ниже московских. Насчет зар-
ботки он врал, но два друга-приятеля сочув-
ственно слушали его, ободряюще похлопывая
по спине:

— Ничего, брат Вяс, не горюй! Учись у нас. Здесь нам не пофарит — близко золото, да не учись. Теперь в другое место пойдешь. Страна большая, людей везде учат...

Доросничку было противно сидеть рядом с Лашаковым и Безбородовым, пить их коньяк, жаловаясь на жизнь. Но он сидел, пил и жаловаясь. В ту ночь он рассказывал им о требованиях секретаря райкома обосудить их пожелание на собрании. Пьяные друзья исторически:

— На когда ты его наметишь, собрание-то? На собрания?

Райком субботним утром Лашаков и Безбородов обещали. Доросниченко знал об этом, но никому ничего не сказал. Собрание, по существу, сорвалось. Хотя зая был полон, хотя выступающих было немало и говорили они хорошо, зло, но членам бюро все это шло в ущерб. Секретаря райкома, выслушав их пожелание, отпустил безнадлежно проиграл. А сам Доросниченко было то, что на собрание не явился и сам Доросниченко.

— Члены бюро поехали к нему домой. Они шарили молча, не вступая в разговоры, но они не удались, не удались, что будут говорить Доросниченко.

Потому на себя тяжелою, обитую клеенчатой дверью, члены бюро вошли в просторную, светлую комнату, в которой стояло семь кроватей, заставленных чистым бельем и ворсистыми синими одеялами. Доросниченко лежал на койке в одежде и сапогах. По тому, как забегали его глаза, члены бюро поняли, что он не ждал их, не готов к разговору. Вид у него был столь жалкий, что Тозорев, выстукаясь вперед, не смогла высказать всего того, что переполнило его сердце.

— Подем! — резко бросила она.

— Куда? — Доросниченко присел на кровати, нервно застеснявшись, и вынул из кармана:

— Подем! — повторила Тозорева. — Не ты на руках отнесем!..

Они пришли в клуб, в ту самую маленькую комнату, где не раз Доросниченко проводил заседания бюро. Расселись по своим местам. Стул секретаря, на котором всегда сидел Доросниченко, был свободен, но он не носил себя на него, а опустился на скамейку, что стояла у стены.

Так начинало это не совсем обычное заседание бюро комсомольской организации поселка Смольный, заседание без пространной, затолпанной заранее повестки дня.

Доросниченко, опустив голову, жал. Первой вышла слово Тозорева. Но она заговорила не о нем, о себе. Делью за днем мастерил, делал боту и свою и своего бюро. Тихо и грустно говорила о промахах и ошибках. Говорила, что бездеятельность и неопытность членов бюро привнеси организации большой вред. Она сказала, что главная ошибка состоит в том, что бюро пренебрежительно отнеслось к делам поведомленным, а ведь из них, собственно, и складывается работа комсомола.

Слова о важности повседневных дел члены бюро слышали не раз и прежде. Но, кажется, только сейчас познати их смысл. Погляди всем своим существом, всем сердцем. Да, они отмахивались от мелких дел, все искали чего-то особенного и проглядели Лашакова, Безбородова и тогда же Доросниченко, Мейер, и другой человек Доросниченко. И нечего тут винить райком, который рекомендовал его в секретари. Райком знал его еще меньше, чем они, и так же, как они, был подкуплен его бравым видом.

Нет, райком здесь ни при чем. Вынашивали они, что не смогли быстро раскусить Доросниченко.

Это было одно из многих заседаний комсомольской организации, на котором присутствовали те же люди, что и раньше, и говорили они все о том же: как улучшить комсомольскую работу. И все же заседание это было совсем не похож на все то, что бывало прежде! Переживания последних дней оставили глубокий след. Члены бюро повзрослели; они поняли чувство ответственности, лежащее на каждом из них. И вместе с этим чувством к ним приходило сознание силы.

г. Водябо.

Неувядаемой славой покрыла себя в боях за Родину советская артиллерия. В честь ее героических подвигов и великих заслуг перед народом в нашей стране ежегодно отмечается День артиллерии — праздник отважных и умелых пушкарей, горно стоящих на страже рубежей родной советской земли. Дстойно встретили этот знаменательный день воинно-артиллеристы И-ской части. Настоячно совершенствуя свою боевую выучку, они добились новых успехов в овладении мастерством точного и быстрого ведения огня. На последних учебных стрельбах особенно отличился оружейный расчет сержанта Б. Литмана. И в кинемке: расчет на огневой позиции.

Фото А. Сергеева.



ПО СУЭЦКОМУ КАНАЛУ

Интересно прошла летняя практика у студентов Московского художественного института имени В. И. Сурикова. Им была предоставлена возможность совершить путешествие в далекую Индию. Проведом они посетили Египет, уголок земли, к которому сейчас приковано внимание людей всего мира. Неизгладимое впечатление произвела на молодых художников эта древняя страна с ее легендарными прошлым и настоящим историческими памятниками. Но больше всего каждому запомнились исключительное дружелюбие и гостеприимство египтян, которые так мужественно отстаивают свободу и национальную независимость своей родины.

Много и с увлечением работали студенты, проведя творческую практику в этой заграничной поездке. Каждый из них старался лучше запечатлеть в эскизах и этюдах живописные улицы Порт-Сауда, изобразить в красках яркую голубизну неба, белоснежные дома и прибрежные пальмы, отраженные в Суэцком канале.

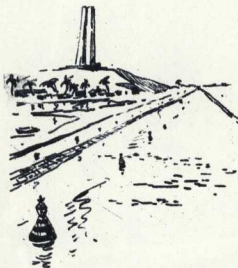
Рисунки, которые мы публикуем сегодня, — только небольшая часть того, что сделали во время краткого пребывания в Египте студенты-суриковцы. Они и сейчас продолжают работать над этой столь любимойшей им темой, старательно завершая то, что начато было ими на египетской земле.



Э. Булатов. Берег Суэцкого канала.



И. Шацкий. Швартовщик-египтянин.



А. Шмарниев. Суэцкий канал.



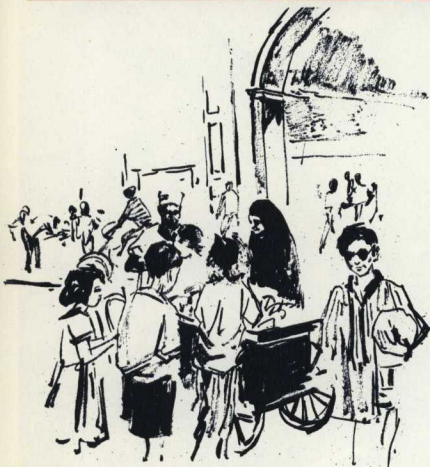
И. Шацкий. Завтрак швартовщиков.



А. Джафаров. Порт-Санд вечером.



А. Джафаров. На улицах Порт-Саïда.



Н. Шацкий. Порт-Саïд.



В. Гольцов. У колодца.



В. Гольцов. В оазисе.



А. Джафаров. Египтянин.



Греческая молодежь не принимала участия ни в одном из пяти прошедших фестивалей. Мы не видели праздничных мероприятий в Будапеште и Берлине, ажиотаж молодежи карнавалов Бухареста, Праги, Варшавы.

Но теперь мы уверены, что вместе с десятилетиями молодежи всех стран в столице Советского Союза, о которой слышали столько замечательного!

Наша молодежь, познавшая немало горя за последние пятьдесят лет, сознает, что только дружба и солидарность народов всех стран смогут обеспечить мир во всем мире и спасти людей от ужасов новой войны. Встречи юношей и девушек различных стран во многом способствовали ослаблению международной напряженности. Молодые люди всего земного шара убедились в том, что они в силах 사랑ять любовь агрессивный план.

Те немногие месяцы, которые остаются до отъезда в Грецию, мы целиком используем для того, чтобы подготовить интересную программу. Представители всех слоев греческой молодежи стремятся принять участие в фестивале. О своем желании поехать в Москву уже заявили многие молодые хоры, ансамбли народных танцев, спортивные общества.

К фестивалю готовят свои произведения молодые художники и скульпторы. Писатели организуют выставку греческой книги. Молодые работники кинематографии решили создать фильм о жизни молодежи Греции. Одним из интереснейших номеров нашей программы обещает быть выступление молодых артистов, которые покажут древнегреческие трагедии.

Перед отъездом в Москву мы проведем фестиваль молодежи Греции, пригласив на него юношей и девушек соседних стран. В заключение я, как представитель нашей молодежной организации и как член парламента, обещаю советской молодежи, что мы умножим наши усилия в борьбе за сохранение всеобщего мира, за развитие и укрепление дружественных отношений между Советским Союзом и Грецией.

Антонис БРИЛАКИС,
депутат парламента Греции.

АУКЦИОН В ЧАПУЛЬТЕПЕКЕ

Вечерние тени причудливыми узорами расстелились на площади Христофора Колумба черт ритм оживление. Группа юношей и девушек предлагает прохожим яркие платки, сувениры, билеты на концерты и танцевальные вечера.

— Сеньора, этот платок вам удивительно к лицу! Вам муж будет рад, если вы его купите...

— Сеньор, ваша девушка наверняка, любит танцевать, слышите приобрести билеты!...

Такие сцены нередко можно увидеть на улицах и площадях Мехико. Это мексиканская молодежь, собирающая средства для поездки своих делегатов в Москву, на VI Всемирный фестиваль.

Подготовка к фестивалю молодые мексиканцы начали уже давно. Желаящих поехать в Москву очень много. Нам предстоит сложная работа: отобрать из многочисленных театральных коллективов, народных ансамблей, спортивных объединений юношей и девушек, которые наиболее полно и правдиво смогут представить на предстоящем празднике молодежь Мексики, ее культуру. Сейчас по всей стране устраиваются конкурсы и соревнования. Крестьяне района Комарка Лагуна в сентябре этого года провели районный фестиваль.

Собираются в поездку известные в нашей стране коллективы современного и народного танца.

На Московский фестиваль Мексика рассчитывает послать около ста человек. Мы хотим, чтобы наша делегация как можно полнее познакомила молодежь других стран с подлинной мексиканской культурой. Это тем более важно, что в последнее время жарыи многих кинотеатров мира наводняют американскими фильмами, которые в извращенном виде показывают жизнь мексиканского народа и его культуру. В погоне за экзотикой голливудские дельцы изображают мексиканцев чуть ли не безудержно пьяно говорящими, что подобие картины не имеют ничего общего с действительностью!

Молодые мексиканцы проявляют немало энергии, изобретательности и упорства, чтобы собрать необходимые средства для отправки своих делегатов на Московский фестиваль. Вяде расходу на поездку только одного человека, в среднем равняются двухлетнему заработку рабочего!

В парке «Боксе де Чапультепек», излюбленном месте отдыха жителей мексиканских столиц, часто устраиваются своеобразные аукционы, где продается всевозможные вещи, начиная от предметов домашнего обихода и кончая полотноми известных художников. Вырученные деньги поступают в фонд фестиваля.

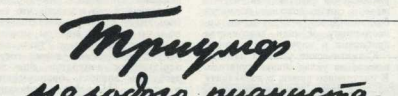
Всяческую помощь оказывают нам интеллигенты. Писатели передают молодым организациям денежные суммы, художники дарят свои произведения. Недавно в фонд фестиваля поступила картина выдающегося мексиканского художника Диего Ривера, полотна Сикейроса и гравюры мастеров широко известного у нас в стране и за рубежом товарищества «Тальер графика».

Деревенская молодежь тоже участвует в сборе средств. Вот по склонам поросших густым лесом гор пробираться несколько юношей и девушек. Они заходят в крестьянские дома, рассказывают о предстоящем фестивале, о его целях и просят пожертвовать что-нибудь. Молодые посланцы мира индейцы встречают приветливо. Но так как денег у них обычно не бывает, то они дают хлопок, овощи или кофе. А потом все собранное уже продается в аукционы.

Я не сомневаюсь, что большая подготовительная работа, ведущая мексиканская молодежь, принесет свои плоды. Наши делегаты уже продвигаются на стадион «Линдеганс» под знаменем флага VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов за мир и дружбу.

До встречи, дорогие товарищи друзья!

Мануэль А.
Гонсалес САЛАСАР,
член Организационного комитета
Союза молодежи Мексикан.



...Биография молодого пианиста, его высокое исполнительское искусство, получившее мировое признание, давно свидетельствуют о том, как бережно поступают в нашей стране молодые таланты, какие условия созданы у нас для их творческого расцвета.

Володя родился в семье музыканта и обучаться музыке начал с шестилетнего возраста. Одаренный мальчик необычайно быстро постиг музыкальную грамоту. Достигнув семнадцати лет, четырехлетний курс софьефедно он прошел за один учебный год и после восьми месяцев учебы оказался в четвертом классе музыкальной школы. К этому времени Володя уже спо-

боло читал с листа клавиры опер и балетов. Бывая в театре, он расширял принесенную с собой партию оперы «Орфей и Эвридика» балета «Лебединое озеро» и внимательно следил за игрой музыкантов, а за каждым движением дирижера. А дома он садился за рояль и старательно исполнял любимейшие свои отрывки.

Первый открытый концерт Володы Ашкеназы состоялся, когда ему едва исполнилось восемь лет. В Мадридском Московском конвенторнии собралась, чтобы послушать отчетный концерт учащихся музыкальной школы, студенты, педагоги, профессора консерватории. На эстраду вышел мальчик и сел

Известно о том, что VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, было для австрийской молодежи приятным сюрпризом. Правда, некоторые юноши и девушки огорчились им так хотелось выступить на этом фестивале. Но в доли радужных hopes, принимающих своих друзей в красивые Вене. Но все приходило к единодушному мнению, что Московский фестиваль будет самым замечательным по сравнению с состоявшимися ранее. Мы хотим познакомиться с вами, советские друзья, нам очень интересно познакомиться на ваших грандиозных стройках, увидеть ваши достижения.

В Австрии начались деятельная подготовка к празднику, что же нам предстоит еще сделать за оставшиеся до фестиваля месяцы!

Прежде всего всячески поощряйте встречи австрийской молодежи с ее ровесниками из соседних стран. Так, еще в этом году около пятисот молодых жителей Вены поедут в Братиславу, то человек отправится в Будапешт в гости венгерской молодежи.

Организация свободной австрийской молодежи планирует на зиму и весну 1957 года юношеские встречи и праздники в программу которых войдут спортивные игры, танцевальные вечера, конкурсы на лучшее песню, рассказ, стихотворение, танец. Кроме того, мы создадим специальные молодежные лагеря, которые должны стать одним из действенных центров подготовки к фестивалю.

Сейчас организация свободной австрийской молодежи проводит сбор денежных средств для молодежи колониальных стран, не имеющих возможности из-за материальных затруднений приехать на фестиваль. Мы думаем, что это начинание, пронитое идей дружбы, солидарности и взаимопомощи, должно получить подвешенное не только в Австрии.

Так австрийская молодежь готовится к предстоящему фестивалю, стремится внести свой вклад в благополучие и процветание юношей и девушек всей планеты.

Вальтер ОПФЕРКУХ,
член секретариата Правления
Союза свободной австрийской молодежи.

за рояль. Ноги юного солиста едва доставали до педалей. В сопровождении оркестра Володя Ашкеназы исполнил сонату Гайдна.

Шли годы. Совершенствовалось мастерство пианиста. Будучи учеником выдающегося педагога Центральной музыкальной школы, Володы Ашкеназы ездил в Варшаву на Международный конкурс имени Шопена. Семнадцатилетний в тридцати странах мира получил право стать лауреатом. Семнадцатилетний Ашкеназы был удостоен этого звания, получив второе призовое.

Этим летом В. Ашкеназы перешел на вторую курс Московской консерватории по классу профессора Л. Оборина.

А. КРУПНОВ

На выкладке: Владимир Ашкеназы.
Фото В. Тукнякеля.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ТУНИСЕ



Наши тунисские впечатления начались еще в Париже. Полинейский чиновник на аэродроме Орино, узнав, что мы направляемся в Тунис, стал особенно тщательно изучать наши визы. Он куда-то зволил, что-то выяснял, уточнял и только после того, как убедился, что никаких претензий предъявить нам не может, со вздохом сожаления украсил наши паспорта штампом полицейского комисариата. Значительно



Внутренняя галерея Большой мечети в Кайруане.

хуже обернулось дело у китайских товарищей, летевших вместе с нами. Не имея возможности подвергнуть сомнению законность французских виз, полиция усомнилась в правомочности тунисских. Переговоры ни к чему не привели, и наши друзья вынуждены были добираться до цели своего путешествия окольным путем: через Югославию, Египет и Ливно.

Североафриканские проблемы сегодня в центре внимания парижан. Наиболее четко сплюснuto зрению формулирует парижский пролетариат: «Имяните нитку не все, но невозможно не заметить лозунги, написанные метровыми буквами на стенах многих домов: «Мы



Крытый рынок в Медине.

требуем вывода войск из Северной Африки». «Мы требуем мира в Алжире».

...Сюсемиместный двухпалубный самолет, на котором мы летели через Средиземное море, приземлился в Тунисе после полудня. Солнце стояло в зените. Даже в тени термометр показывал около пятидесяти градусов выше нуля. Гудрон расплавился под ногами; ступни жгло и сквозь кожаные подметки ботинок. Здесь, в Африке, мы по-настоящему оценили достоинства пробковых и каучуковых подошв.

Климатические условия заметно влияют на уклад жизни тунисцев. В полуденное время, с двенадцати до трех часов, никто не работает, резко сокращается движение городского транспорта, на улицах почти не видно пешеходов. Окна квартир и учреждений закрываются шторами из тростника или плетеной из морских водорослей. Витрины торговых учреждений заветены широкими козырьками парусиновых тентов. В Медине — арабской части Туниса — существуют крытые улицы, дворы и знаменитый крытый старый рынок.

Первые дни в наиболее жаркие часы мы старались понаше погружаться в ванну, наполненную холодной водой, и без конца тили орания или цитрон со льдом. Однако через несколько дней на собственном опыте убедились, что надо делать все наоборот: принимать горячий душ, выпивать глоток —

другой жгущего губы крепкого чая, носить на голове шейю — шапочку из плотного красного сукна.

В аэропорту тунисский таможенник, выполнив все полагающиеся формальности, посоветовал нам забыть отменить в управление французского резидента. Так делал он всю жизнь, и четыре месяца службы в освобожденном от колониальной зависимости государстве не приучили его к мысли, что теперь это не только не обязательно, но и не нужно. А впрочем, может, он был и прав. Ведь в Тунисе наряду с создаваемым новым государственным аппаратом еще не распушен аппарат французского резидента. На рейдах тунисских портов стоит корабль французского военного флота. Над знаменитыми африканскими пляжами барражируют французские истребители. По улицам городов расхаживают солдаты и офицеры иностранного легиона, якобы охраняющего интересы французских граждан в свободном Тунисе. Эти молодчики занимаются спекуляцией, заполняют по вечерам казино, кабарэ, динсинги, публичные дома. Многие из них служили раньше в армии генерала Роммеля или эсэсовцами занимались стелажниками, легионерами, но не считаются с их присутствием в стране не могут.

Требование о выводе чужеземных солдат — единственное требование всего тунисского народа. Об этом говорят на митингах и собра-

ниях, шипут в газетах, под такими лозунгом проводятся демонстрации.

В стране происходят большие события: создано новое, буржуазно-националистическое правительство, начато проведение ряда демократических реформ в области избирательной системы, семьи, брака, положения женщин. Эту работу народа, податем всех его сырты до сих пор сил чрезвычайно велики.

Надежды на окончательное и полное освобождение народ связывает с именем премьер-министра Хабиба Бургиба. Будучи одним из руководителей буржуазно-националистической партии, он резко выступил против ее правого крыла, занимавшего соглашательскую позицию по отношению к колониаторам. В многочисленных своих речах и статьях Хабиб Бургиба требовал немедленного прекращения самостоятельности Тунису, обещал дать землю крестьянам, ликвидировать безработицу, установить минимум заработной платы, создать условия для всеобщего образования и подъема национальной культуры. Вокруг этой платформы объединились все слои тунисского народа. В марте 1956 года Франция была вынуждена признать независимость Туниса. Такой успех национально-освободительного движения сделал Хабиба Бургиба самым популярным человеком в стране. Его портреты имеются почти в каждой квартире,



Центральная улица Кайруана.

в хлебных и овощных лавках, в парикмахерских, в ресторанах и даже в вагонах поездов.

Нам не довелось увидеть премьер-министра. Однако мы встретились и беседовали со многими другими государственными, политическими и профсоюзными деятелями Туниса. Из бесед с ними у нас сложилось впечатление, что в насложившихся условиях надежда на реформы значительно больше, чем в правительственных кругах. Возможно, я и ошибаюсь, так как в высказываниях официальных лиц обычно преобладают осторожность и чувство ответственности за каждое свое слово.

Основной целью нашей поездки было участие в IV национальном конгрессе Генерального союза студентов Туниса. Конгресс проходил в местечке Бар Изь Бей, расположенном в двадцати километрах от столицы, на берегу Тунисского залива.

На открытие конгресса прибыли члены правительства, видные деятели партии Нео-Дестур и профсоюзов. Такое внимание к конгрессу было вызвано двумя причинами. Во-первых, Генеральный союз студентов является единственной молодежной организацией, активно участвующей в политической жизни страны. Во-вторых, будущее Туниса иррационально связано с молодежью в самом прямом смысле слова. Поэзию: до сих пор даже в правительственных учреждениях Туниса служат много французов. Их просто нечем заменить, область труда, например, на сроки тысяч жителей ни один не имеет не только высшего, но и среднего образования. И не случайно, что именно на молодежном конгрессе была детально проработана программа подъема национальной культуры. Проводить в жизнь эту программу придется тем, кто сидит в зале.

После закрытия конгресса его гости предоставили возможность осмотреть страну. Мы побывали в различных ее районах, встречались со многими людьми.

Дорога в Тунисе хороша. На ней встречено немало французских фракийцев. Ведь для того, чтобы дерзнуть страну в повиновении, колонизаторам нужно было бысто перебрасывать войска в любое ее место. Вдоль дорог на десятки километров тянутся посадки кустарников с острыми и колючими шипами. Они заменяют здесь заборы. Такими живыми изгородями обнесены дома, плантации, загоны для скота.

На дорогах Туниса встречается много людей. Большинство их уныло бредет по обочинам. Одежда таких путников состоит из разно-

цветных, вылинявших, проселенных потом заплат. У этих людей нет ни семьи, ни крова, ни работы. Из полутора мильонов трудоспособных мужчин, живущих в стране, шестисот тысяч не могут толком получить даже временной работы.

Цены на товары в Тунисе сравнительно невысокие. Но у бездомных не бывает денег, и, как бы де-



Главная магистраль города Туниса.

шевы ни были товары, они не могут их покупать. Если кому-либо из них удастся найти сезонную работу, то весь заработок уходит на хлеб, овощи и чай. Чай стоит дешево, а коли заварить его похлепке, он заглушает голод. Люди, которые в течение нескольких дней не могут достать пищу, пьют только чай. В итоге социальная трагедия государственного масштаба. В официальных документах ее называют везомом. Суть везома в том, что происходит массовое отравление чаем и средний срок жизни человека сокращается до двадцати шести лет. Шестидесять процентов мужского населения страны — молодежь двадцатилетнего возраста. Не является ли хотя бы этот факт одним из серьезнейших обвинений колониализма?

Дети бродят по дорогам стайками. Многие из ребятишек не знают, где они родились, кто их родители. Это маленькие старички с морщинистыми лицами и тусклыми, не по-детски печальными глазами.

Детям легче устроиться на работу и брать их откуп: ведь им можно купить ничего не платя. В домах чиновников, служащих, мелких торговцев, не говоря уже о более зажиточной части насе-

ния, всегда можно увидеть двух—трех мальчишек, которые за кусок хлеба несут на своих плечках всю тяжесть домашнего труда. Когда они подрастает, их, как правило, выгоняют.

В Тунисе есть немало прекрасных детских учреждений, принадлежащих скаутской организации. К услугам скаутов мастерские, разнообразные кружки, спортивные площадки, истинный детский флот и совсем уже не детские учебные самолеты. Но пользоваться всем этим могут только около двадцати тысяч ребят — дети зажиточных родителей. Ведь для того, чтобы стать скаутом, надо платить членские взносы, покупать форму, ходить на обязательные занятия. А вот если у тебя нет денег на хлеб, если ты не знаешь, под каким кровом найдешь ночью приют, тогда и приходится бродить из города в город, в каждом из которых есть хорошие детские учреждения.

Человек, который приезжает в Тунис, особенно бросается в глаза беспаровое положение женщин. Состоятельные мужчины здесь имеют по несколько жен. Две—три жены в доме — это обычное явление. Можно иметь и четыре. Нередки случаи, когда мужчи-



Уголок арабской части города Туниса.

ны идти в субугибные дома. Еще сложнее женщине получить право участвовать в выборах в местные и центральные органы. Право голоса получают лишь те женщины, которые имеют и образование и свой дом.

Многие женщины в домах интеллигентов, крестьян, торговцев, но везде сталкивались с одинаково возмущительными для нашего сознания фактами. Так, например, никакой уважающей себя тунисец не разрешит женщине войти в комнату, где беседуют мужчины, не посадит ее за один стол со своими гостями. Для тунисской женщины существует еще очень много запретов, которые не отменить никаким законом, ибо они бытуют как запреток уходящих женщин.

...Дорога вода нас на юг, в Кайруан — древнюю столицу когда-то сильного арабского государства. За окном автомобиля мелькают автоматические бензоколонки, станции обслуживания и природоразные кафе с вилеской «Кафе де колони» («Кафе для колони-

Развалины Карфагена.



ства). Мы знали, что в этих кафе нас как иностранных туристов встретят вежливо и немедленно обслужат, но наших друзей-тунижцев не пустят даже на порог. Поэтому, когда тунижские товарищи спрашивали, хотим ли мы пить, мы, обильным языком пережевывая губы, отрицательно качали головами. Остановку решили сделать у колодезь из местных земледельцев.

Машина свернула на плантацию. Хозяином оказался студент тунижской высшей школы Ахмед Ахмед. Его владения занимают площадь в шестьдесят гектаров и состоят из оливковой рощи в шестьсот деревьев, пшеничного поля, животноводческой фермы и фруктового сада. Но основной доход дает оливковая плантация. С каждого дерева в конце октября снимают 300—350 килограммов плодов. Получаемое из них оливковое масло по своему качеству превосходит луч-

шая изменить это положение, тунижцы начали создавать кооперативные хозяйства. Ахмед Ахмед — член одного из таких кооперативов.

Кооперация в сельском хозяйстве Туниса предполагает коллективную собственность на сельскохозяйственный инвентарь, мастерские. Кооператив, в котором состоят наш гостеприимный хозяин Ахмед Ахмед и полторы тысячи других земледельцев, создал общий фонд, приобрел машины, которые не под силу было купить одному хозяину. Это позволило провести ряд агротехнических мероприятий и снизить себестоимость продуктов сельского хозяйства.

Второй путь укрепления отечественного сельскохозяйственного производства — освоение целинных степных земель. Эти земли мы увидели, когда побережье осталось далеко позади. Насколько хватат

Некоторые кайрунские сооружения удивляют своими размерами. Например, крупнейшее искусственное водохранилище огромности, бассейны Аглоитов, трудно даже назвать бассейнами. Это — озеро в каменистой чаще, созданной руками арабских мастеров. Тут же можно увидеть самую большую в мире мечеть, построенную в 615 году и вмещающую одновременно всех жителей города.

...Каждый из дней, проведенных нами в Тунисе, приносит новые впечатления, новые встречи. Люди, с которыми мы знакомы, конечно, не покидали друг на друга, но всех их рождает вера в то, что их страна прочно встала на самостоятельный путь развития. Габбы мы не жили: в студенческой столовой в Медине или в гостях у тунижского рабочего, в народной больнице в Бежи или на встрече с местными интеллигентами и везде чувствовалось дуновение новой жизни, новых настроений, новых перспектив.

Конечно, новое можно строить по-разному. И точка зрения на перспективы развития Туниса у каждого класса разные. Одних удовлетворяет политика буржуазно-националистического правительства Бургиба, другие — нет. Одни хотят остановиться, другие — идти дальше. Переловая интеллигенция поговаривает о необходимости постепенного перевоспитания капиталистов, о подготовке почвы для мирного осуществления новых социальных реформ. Среди докеров Туниса, Суца и Сфаржа можно иногда услышать другие речи. Каждый оценивает обстановку в стране по-своему.

За несколько дней до отъезда мы познакомылись с известным арабским художником Монжи Черифом. Его имя хорошо знакомо любителям искусства: он один из основателей школы обменной живописи. Художник уделял на много времени, показал свои новые работы, познакомил с учениками — пропавшем, Монжи Чериф сказал:

— Многие тунижцы интересуются тем, что происходит в Советском Союзе, Китае, странах народной демократии. Мы хотим это познать: может быть, найдем что-нибудь полезное и для себя. Не забудь всего этого интереса.

Нам надо сделать шагок в своем направлении. О развитии культуры народам Северной Африки мы судим по позиции СССР в египетском вопросе. Среди широкой общественности Туниса все более утвердилось мнение о том, что настало время установить дипломатические, культурные и экономические отношения с Советским Союзом...

Тунис мы слышали от разных людей. На студенческом конгрессе был поставлен вопрос о направлении тунижской молодежи на учебу в СССР, Китай и Хвостозеландия. В торговых кругах все более настойчиво поговаривают о целесообразности торговли с Советским Союзом. В среде технической интеллигенции и предпринимательской наблюдается интерес к выгодности советских кредитов.

...Тунис мы посетили ранним утром. Под крылом самолета появились оливковые плантации, рощи, фруктовый сад, дома в колодезь гостеприимного города, цепляком ставшего теперь, по словам одного араба-старика, Мединой, то есть арабским и для арабов.



1. Наступил вечер. Лейтенант милиции Б. Мозгунов и бригадир милиции И. Турин и Я. Аночичи направляются на свой участок.



Фото А. Уэляна.

Еще совсем недавно в поселке минских тракторозаводцев венчурными часто можно было встретить хулиганов. Комсомольцы тракторного завода вызвались помочь милиции, вместе с ней организовав борьбу с нарушителями общественного порядка. Они создали боевой штаб и лучших комсомольцев рекомендовали в бригаду содействия милиции. Вначале желающих вступить в бригаду было не так уж много. «Сегодня одержев хулигана, а завтра он будет, чего доброго, бока набьет», опасались некоторые. Однако с каждым днем число добровольцев росло.

Сейчас в поселке насчитывается около трехсот активных бригадников.

Ежедневно ровно в восемь часов вечера начальник отделения милиции Игнатий Николаевич Поталево инструктирует выходящих на дежурство добровольцев. Один за другим отправляются они в наряд.

Этот рабочий молодежь завода: эскперитор Франк Ковальков, перфораторщик Мария Захарова, слесари Турин, Курпирин, Антонович и многие другие. На их счету немало предупрежденных драк и бесчинств.

Всюду можно видеть бригадников: и в рабочем клубе, и в магазинчике, и на трамвайной остановке. Молодые бросистые общественного порядка всегда начеку. Внимательно наблюдают они и за поведением подростков в общественных местах.

Помни комсомольцев Минского тракторного горячо подвигав молодого города. Во всех районах здесь созданы боевые штабы по борьбе с хулиганством. И случаев нарушения общественного порядка становится все меньше и меньше.

Вл. ЮРЕВИЧ

г. Минск.



Фото Н. Рясина.

Недавно Советский Союз посетила делегация молодежи и студентов Туниса. Посланные дальней североафриканской страны ознакомились с достопримечательностями столицы, побывали в Ленинграде, совершили поездку по Азербайджану и Узбекистану.

Перед отъездом на родину глава делегации студент Ахмед Хуама передал нашему корреспонденту следующее письмо:

«С большой радостью и обращаясь к вам, читатели журнала «Смена», чтобы сказать, насколько мы были тронуты тем восторженным приемом, который нам оказал народ и особенно вы, молодежь, идущая в первых рядах борцы за прогресс. Я передаю вам братский привет от тунижских товарищей, которые с большим интересом следят за вашими грандиозными успехами и выражают желание встретиться с вами».

На снимке: тунижские студенты в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

ные итальянские и испанские сорта. Ахмед Ахмед охотился познакомил нас не только со своим хозяйством, но и рассказал о ряде жизненных проблем, которые волнуют тунижских земледельцев.

В глубокой древности этот край называли «имбаром Рима». Сейчас он все чаще говорит как о тунижской Калифорнии или фруктовым рае. Климатические условия здесь прекрасны и ровны плодородна. Однако большая часть земли принадлежит французским колонистам, с которых тунижское правительство берет только 20 франков арендной платы за гектар в год. Это в два раза меньше, чем стоит стакан фруктовой воды! Такое положение дел вполне устраивает французских помещиков.

В тунижских оазисах арендаторов находится два миллиона гектаров лучшей земли. В крупнейшей зерновой области Бежи не пятидесяти крупных земледельцев, имеющих до шести тысяч гектаров земли, только пять — местные жители, остальные — французы. Естественно, что политику в сельскохозяйственном производстве определяют пока иностранцы. На-

глаз, с обеих сторон шоссе лежали безлюдная, выжженная солдцем земля и солончаковые овраги. Для освоения этих земель прежде всего необходима вода. Ее тунижцы упорно ищут, однако из-за отсутствия необходимых денежных и технических средств размах работ пока ограничен.

...Кайрун — город мечетей и марабу (молитвенных сооружений) — «мечеть мечетей» — стоит на самой границе тунижских степей и песков Сахары. Его пышный расцвет относится к VII и VIII векам. За минувшее тысячелетие в городе выросло почти ничто, не изменилось. Улицы здесь настолько узкие, что два пешехода еле могут разойтись. Глухие, высокие стены, в которых кое-где видны маленькие калитки. Овна домена выходят во двор.

Кайрун строился из остатков древнего Карфагена. Только в Большой мечети насчитывается около восьмидесяти мраморных колонн, составляющих ранее красу и гордость карфагенских храмов. Обликована стел, мраморные плиты и многое другое было перевезено сюда.



2. В столовой спиртных напитков не продают. Но любители «горючей» не прочь и на улице распить бутылочку... Однако этим «удельным» не позволил их застичь «врастлех» бригадинцы В. Иванюк и В. Радвич, оказавшиеся на «месте происшествия» вместе с лейтенантом милиции В. Петреневичем.



МИЛЬЦЫ



3. Молодые рабочие тракторного завода не только патрулируют по улицам, охраняя общественный порядок. Они стараются также предупредить случаи озорства и хулиганства. Узнав, что школьник Ян Попов плохо ведет себя на улице, бригадинцы пришли к нему домой, чтобы обратить на это внимание его родителей.



4. Перед выходом очередной группы бригадинцев на дежурство начальник 7-го отделения милиции г. Минска И. Н. Потапкин проводит инструктаж.

ГРУППА ОТВАЖНЫХ

В Южном поселке города Каменска бесчинствовали хулиганы. По инициативе Иосифа Минкульского, члена комитета ВЛКСМ Каменского райрайкома, в поселке была создана бригада содействия милиции.

Одним из какой-то хулиган собралась девушка за то, что она отказалась с ним танцевать. Присутствовавший при этом бригадинец Минкульский протронул грубияну извиниться.

— Брось, не на того попал! — нагло ухмыльнулся парень.

Оказавшись поблизости молоденькая девушка хулигана плотным ныльцом. Он увидел решительные лица и растерянно пробормотал, обращаясь к девушке:

— Я извиняюсь...

Когда кто-нибудь нарушает общественный порядок, жители поселка немедленно сообщают об этом Минкульскому и его товарищам.

Не так давно Иосиф Минкульский, слесарь Глазков и горняк Ушаков задержали грабителя, которого долго время разыскивали органы милиции.

Многие из бригадинцев уже прославились смелой борьбой с хулиганами. Иван Камбулоз и Герман Степанов, например, задержали в этом году больше ста пятидесяти нарушителей общественного порядка. За активную помощь милиции отаванские юноши не раз получали благодарности и премии.

А. ГРОМАДЧЕНКО
г. Шахты,
Каменской обл.



5. Шеффер строительного треста Виктор Кононов усиленно пытается доказать, что он совершенно трезв...



6. Наступило утро. Витору Кононову стыдно. Как могло случиться, что он попал в милицию? Лейтенант И. Пименов и бригадинец И. Голович рассказывают ему, как все это получилось...

Дементьев по трапу поднялся на причаленное судно и в сопровождении помощника капитана спустился в трюм. Трюм оказался сухим, чистым.

Осматривать было нечего, и Дементьев прошел к капитану. Неряшливо одетый, небритый капитан равнодушно выслушал его, достал судовые документы. Дементьев расписался и сказал:

— Ваши трюмы в образцовом состоянии.
— Что здесь сказать о нашем рейде... усмехнулся капитан.

Дементьев изумленно пожал плечами и вышел из капитанской каюты. Прямо перед ним стоял Крамергоф.

— Работаете, капитан Рюкерт?
— Если это можно назвать работой...
— Но так мэр?
— А к чему радостное? На каждом шагу тебе тычут в нос, что Германия погибла.

— Например?
Дементьев глазами указал на дверь капитанской каюты.

Крамергоф вынималось кивалов:
— Спасибо, капитан.

Второй транспорт уже пришвартовался, но трапы еще не были спущены. Дементьев прохаживался перед кораблем, раздумывая над тем, что произошло. «Нет, нет, и теперь он пошел правильно. После этого Крамергоф будет верить ему еще больше».

К Дементьеву подошел спустившийся с корабля Крамергоф.

— Эта грязная свинья не бокается и мне завидно же самое... сказал гестаповец, доверительно взяв своего собеседника под локоток. — Время, конечно, тяжело, но не верить в победу — значит поражение!

— Конечно! — убежденно воскликнул Дементьев.

— К сожалению, с ним ничего сделать нельзя. Он должен вести транспорт. Но мы ему это еще припомним...

— На причал спустился трап со второго транспорта.

— Пожайте со мной, — предложил Дементьев гестаповцу.

— С удовольствием. Заводно увижу, что у вас за работа.

Они поднялись на транспорт, и вахтенный механик провел их в трюм. На дне трюма лежала биссидная вода, а зловонный запах нарушил дыхание. Крамергоф закашлялся. Дементьев приказал матросу позвать в трюм капитана. Капитан пришел.

— Это был богатый с русской курчавой головой. Его мы обычно трюм обтягивали черной свинетой.

— Вы что же, капитан, в этом ночном хлыве думаете возить солдат фюрера? — спросил Дементьев.

— А что я могу сделать? Я действительно нездорово возил за Дании коров.

— Даю вам два часа. Организуйте откачку воды, откройте настежь все трюмные люки. Воя из тех шихово сделате настип. Перед погрузкой я зайду посмотреть.

— Будет сделано! — Кивнул ушел.

Крамергоф хлопнул Дементьева по плечу: — Молодец, Рюкерт! Своей хлыве едите не зря.

К трем часам ночи погрузка была закончена, оба транспорта выбрали якоря и ушли.

Дементьев направился домой. И только сейчас он обнаружил за своей спиной наблюдателя. Это произошло случайно. Миновав ворота порта, Дементьев пошел вдоль высокого забора. И вдруг по черному небу бесшумно покатилась звезда, оставляя за собой бледный, но таявший след. Дементьев непроизвольно замедлил шаг. Наблюдатель, стараясь идти с ним в ногу, прозвонил это мгновение, сделал лишний шаг, и Дементьев его услышал.

В такую внезапную пору идти следом было только шип. Чтобы убедиться в этом тверде, Дементьев сошел с тротуара и быстрым шагом направился через площадь.

Он свернул в первый же переулок, но тутчас выглянул из-за угла: наблюдатель почти бегом пересек площадь. Да, сомнений не было: слежка.

Что это могло означать? Прежде всего становилось ясным, что Крамергоф ведет двойную игру. Но не прорше ли ему было просто арестовать Дементьева, когда тот явился в гестапо за пропуском? Проще-то прорше, однако арест ему ничего не дал бы. Крамергоф убедился в

этом по первому допросу. Конечно, они решили узнать о Дементьеве все, что можно. Ну, что же, пожалуйте!

Дементьев свернул на улицу, параллельную Портовой, и пошел по ней в направлении своего дома.

Он шел шумно, не торопясь, а перед самым домом замедлил шаг возле настолью, чтобы наблюдатель мог точно установить, в какой подъезд он вошел.

Поднявшись на один лестничный пролет, Дементьев остановился и замер. Выбодит ли наблюдатель в подъезд? Нет. Вот он прошел мимо двери, остановился... и пошел назад.

Дементьев пробежал на свой этаж и открыл дверь. В комнате, не зажгит света, он быстро выдвинул чемодан, включил радио. Нужно немедленно сообщить о выходе двух транспортов. Это — самое главное. Вероятно, наблюдатель сейчас уже докладывает по телефону, что капитан Рюкерт дома. Даже если они немедленно организуют ялет на квартиру, у Дементьева есть те десять — пятнадцать минут, которых достаточно, чтобы передать радиотелеграмму. Ключ привычно выстукивал точки и тире.



Если бы он хоть раз оглянулся, то заметил бы, что за ним неотступно следует человек в штатском.

Радиограмма передана. Дементьев задвинул фальшивые днища чемодана, хотел его закрыть, но передумал — пусть стоит возле дивана раскрытым. Обыкновенный чемодан с объясненными вещами, в которых хозяин рылся перед тем, как лечь спать.

Своя шинель, Дементьев не спеша разделся и лег в постель. Около часа он не заснул, ожидая визита гестаповцев. Он был уверен, что такой визит последует, но по какой-то необъяснимой причине не считал нужным спастись от него бегством. Мне, рассказчику, знающему, что будет дальше, хочется крикнуть Дементьеву: «Беги!» Но он меня не услышит. А зачем слушать его за то, что он не спасается, а же собирается... Но, видимо, ялет на его квартиру пока не входил в план Крамергофа, и Дементьев заснул.

Потом ему казалось, что весь остаток ночи он видел один и тот же сон. Со всех сторон его обступали невидимые люди, они по очереди проносились:

— Рюкерт, Рюкерт, Рюкерт.

Он старался по звуку голоса узнать этих людей, но они оставались невидимыми. И снова

то за спиной, то откуда-то сверху раздавалось все то же слово.

— Рюкерт, Рюкерт, Рюкерт.
— Рюкерт, откройте! — вдруг прозвучало ясно, громко и уже наяву.

Дементьев не успел сообразить, что произошло, как дверь с треском распахнулась. Выломанные дверные замки отлетели, и створки в комнату ворвались, четверо гестаповцев по главе с Крамергофом. Один из них зажг свет, другой встал в ногах Дементьева, направив на него встел. Дементьев, не подымаясь, с удивлением смотрел на ворвавшихся.

— Кончайте, Рюкерт, спектакль! Где ваша радиостанция? — весело, почти дружелюбно сказал Крамергоф и сел на стул в треск шагов от постели Дементьева.

— Я ничего не понимаю. Что происходит? Объясните! Дементьев лежало спустился с постели ноги и начал неторопливо одеваться.

— Извините, что принимаю в таком виде. Я сейчас оденусь.

— Он посмотрел на часы. Было пять утра. Крамергоф махнул рукой гестаповцам:

— Ищите!

Обыск был очень тщательным. Гестаповцы поднимали паркет, простукивали стены, сбросили с полок все книги, расправили мыльные комья. А Крамергоф все это время стоял спиной к Дементьеву, который теперь уже сидел на диване, с улыбкой наблюдая за гестаповцами, производившими обыск. Его попорили пересест на стул. Диван был расפורт, как и кресло.

— Дементьев, вы не понимаете, что выжидающе смотрите на Крамергофа!

— Обыскайте всю квартиру! — приказал он. Гестаповцы ушли в комнаты хозяйки.

— Где радиостанция? — тихо, почти доверительно спросил Крамергоф.

— Какая радиостанция? — Дементьев рассмеялся с обезоруживающей искренностью. — Честное слово, мне кажется, что все это происходит по сие!

— Та самая радиостанция, — все так же тихо проложил Крамергоф, — позволение которой в эфире было зафиксировано ровно через пять минут после того, как вы вошли в свою квартиру, и по сигналу которой на перехват транспорта, наверное, уже вылетели русские бомбардировщики.

— Самое дикое незоружение из всех, которые я пережил! — возмущенно произнес Дементьев.

Взгляд Крамергофа остановился на раскрытом чемодане Дементьева зазер.

— Возможно ли, что по радио сигналы при помощи грязного белья? — Дементьев кивнул на чемодан и засмеялся. — После того, что произошло, вам остается только убедить меня и в этом.

Крамергоф горло выдвинул к себе чемодан и выбросил из него все, что было брезентово и из других палыди. Дно чемодана оголилось. Крамергоф нагнулся и постучал по нему пальцами. Видимо, звук вызвал у него подозрение.

— Пронсу сюда! — громко крикнул он гестаповцам, выходящим в комнату хозяйки.

Все дальнейшее измерлось секундами. Дементьев вскошил со стула, натолкал ударил Крамергофа в висок, и тот свалился на пол.

Двумя прыжками Дементьев достиг окна, влез на подоконник, спиной уперся в раму и прыгнул во двор.

Вот уж верно, что у смелого солдата воинское счастье в кармане. Дементьев упал на ноги и, удержав равновесие, ринулся за выступ дома.

Из окна зарегами выстрели.

Бежать на улицу было опасно. Там наверняка поставлены гестаповцы.

Дементьев заблаговременно изучил двор своего дома. Он знал, что в левом углу, в узком проходе между домами, где хранятся железные банки для мусора, есть забор, за которым начинается соседний двор с выходом на параллельную улицу.

Дементьев наклонился к кованому козырьку, хлестнул два выстрела с противоположной стороны двора. Жуткая боль обожгла Дементьева спину. Где-то у ворот послышался голоса, топот сапог. Дементьев продолжал бежать. Позади беспрерывно стреляли, но в пред-

рассветом мраке гестаповцы плохо видели бегущего.

Вот и проход между домами. Деметьев вскакивает на мусорные баки, с разбегу ухватившись за верх забора, хотел подтянуться, но, почувствовав страшную боль в плече, снова опустился на бабки. Через мгновение, напрягая последние силы, он все же дотронулся до края забора, всобрался на него и перелезнулся на соседний двор. Через ворота он выбежал на параллельную улицу и устремился направо, к центру города. Он знал, что неподалеку есть узенькая крытая улочка. Скорее туда!

Стулся от боли в плече, Деметьев бежал по неизведанной улице, понемногу успокаиваясь, так как позади не было слышно гонимых.

Почему он направился к центру города? Где он там найдет укрытие? Не лучше ли бежать к окраине?

Но ведь именно в центре находилась явочная квартира Павла Андронича. Не стоило рассчитывать уму, сколько чувствая сердцем, Деметьев бежал в ту сторону, где были люди, на помощь которых он мог рассчитывать. Может быть, в эту минуту он забыл приказ, запрещающий ему подвергать риску явочную квартиру? Нет, нет и нет! Хотя Деметьев и бежал по направлению к этой квартире, он прекрасно знал, что туда не зайдет, и сейчас авторядочно думал, где укрыться.

Быстро светало. Любимый случайный человек, увидев бегущего немецкого офицера, без фразы, в окровавленном кителе, мог заподозрить неладное. Кроме того, Деметьев знал, что сейчас на ноги будет поднята вся городская коммандатура. Словом, в его распоряжении были минуты. И тут Деметьев вспомнил чистенького старичка — смотрителя музея, того самого, который так неуверенно пытался скрыть подмену ценных картин. Решение принято. Деметьев бежит в музей.

Во дворе к громадной зданию музея лепилась маленькая пристройка, в которой и жил смотритель. Вбежав во двор, Деметьев несколько минут прислушивался: нет ли погоним? На улице было тихо. Деметьев поднялся на высокое крыльцо пристройки и нажал кнопку. Где-то в глубине домика еле слышно прозвучал звонок. Тишина. Но вот в угловом окне мелькнула занавеска. Деметьев позвонил еще раз.

— Кто там? — донесся голос из-за двери.
— Откройте, ваши друзья, — порусски сказал Деметьев.

— Скажите, кто?
— Советский офицер. Откройте скорей, за мной гонятся.

Несколько мгновений за дверью было тихо. Потом разногласно залязгало железо многочисленных запоров, и дверь открылась. Перед Деметьевым в халате, со свечой в руке стоял смотритель музея. Он сразу узнал Деметьева и отпрынул. Свеча погасла.

— Заприте двери! — тихо, но властно приказал Деметьев.

Старичок послушно залер дверь.

— Зажгите свет! — Старичок долго шарил по карманам и наконец, найдя спички, зажег свечу.

Двуия прыжками Деметьев достиг она...

— Извините меня, но я действительно советский офицер, и я попал в беду. Ранен. За мной погоня.

Старичок молчал, не сводя с Деметьева окружающих глаз. Он явно не верил Деметьеву.

— Я говорю правду. Должен сказать вам, что, вероятно, мне удалось спасти ваши картины. Янки с ними остались в порту.

Но еще долго молчал смотритель музея. Деметьеву пришлось рассказать о себе немного больше, чем он имел право сделать. Постепенно старичок пришел в себя и, кажется, стал верить тому, что услышал.

— Спрячьте меня! — попросил Деметьев. — Мне больше от вас ничего не надо. Только спрячьте и помогите мне сделать перевязку.

Смотритель музея помолчал, потом вяло со стона свесил.

— Идемте.
Оказалось, что из пристройки был ход прямо в музей. Смотритель провел Деметьева в уже знакомый ему подвал-хранилище и, указав укромное место за грудой ящиков, ушел. Вскоре он вернулся, принес битнич целый сверток разных лекарств.

Рана была не очень опасной. Пуля по касательной ударила в нижнюю часть правой ло-

патки, раздробила ее и, уже обесснажив, неглубоко ушла под кожу. Смотритель при помощи лопаты сам изнес пулю, залпа рану iodolom и искусно забинтовал.

— Кнушат хотите? — спросил он, закончив перевязку.

— Нет. Буду спать. Самое лучшее для меня сейчас — сон. Если можно, приготовьте мне каку-нибудь штатскую одежку.

— Хорошо.

— Сюда никто не придет?

— Нет. Музей закрыт, с вашей помощью. — Старичок чуть дамытно улыбнулся.

Ничего. Скоро отпрется, — сказал Деметьев и тоже улыбнулся.

Три дня Деметьев пролежал в подвале музея. Смотритель часами просиживал возле него, и они бесовали обо всем на свете.

Рану осматривал медиком. По ночам Деметьева изнурила высокая температура. На четвертые сутки ему стало совсем плохо. Иногда он чувствовал, что терит сознание. Смотритель еще в первый день предельно пригласил своего друга, профессора Курта, уверяя, что это человек вполне надежный. Тогда Деметьев внаотрез отказался, полагая, что чем меньше людей будет знать о его существовании, тем лучше. Но теперь он решил «толгастить».

К концу дня смотритель привел угрюмого костюяного человека с бритой головой. Не подоровавшись, человек сел возле Деметьева на ящик, поставил рядом маленький чемоданчик и взял руку раненого.

— Т-а-а-а — произнес он протяжно и начал разбинтовывать рану.

— Т-а-а-а — снова протянул профессор, сняв бинт, и затем сказал что-то смотрителю по-латышски. Тот поспешно ушел. Профессор достал из чемоданчика какие-то инструменты. Деметьев лежал ничком и только слышал отрывистые звяканье стали.

Вернулся смотритель. Он принес кастролю с кипятком. Продезинфицировав инструменты, другт несомненно добрым голосом попросил:

— Пожалуйста, потерпите немножко.

Но терпеть пришлось долго. Обработка раны далась более часа, наркова не было, и Деметьев от боли несколько раз терит сознание. Но вот боль начала медленно утихать. Деметьев почувствовал опустошающую усталость и незаметно для себя заснул.

20

Два дня полковник Довгалев не докладывал командованию о том, что ради Деметьева в эфире не появляется. Он сперва не хотел и думать, что с Деметьевым случится неладное. Ведь уже был один перерыв в связи, правда, небольшой, но был. И, кроме того, длительная работа с военными радиостанциями научила полковника терпеливо ждать даже тогда, когда жалко, кажется, уже ничего.

Попел третий день молчания деметьевской рации. Довгалев утром занял в аппаратуре радиосвязи. Докучный оператор встал и не снывая научником, воспламенил от бесконичи глазами смотрел на полковника. Смотрег и молчал. Довгалев круто повернулся и, ничего не спрашивая, вышел. Он решил: «Буду ждать до двенадцати часов. Если ничего не изменится, доложу командованию».

Довгалев не знал, что командующий сам еще вчера справлялся о Деметьеве. Генерал поинял, как тяжело переживает Довгалев беду каждого своего разведчика, и не заговаривал с ним о Деметьеве.

Ровно в двенадцать часов Довгалев поднял телефонную трубку и попросил соединить его с командующим.

— Докладывает полковник Довгалев. Третья сутки мы не имеем связи с городом Н.

— Ну и что же? — спокойно отозвался командующий. — Надо думать, что ваш человек находится там не в идеальных условиях. Ему, наверное, мешают работать. Но все что он уже сделал, очень значительно. Не собирайтесь ли вы устроить ему заблужку за перерыв в связи?

— Я понимаю, — устало сказал Довгалев. — Бьда в том, что вражеские транспорты ходят беззаконно.

— Почему беззаконно? С помощью вашего человека летчики уже приносились к переплату. Да и ночи стали короче. В общем,



полковник, продолжайте внимательно следить за эфиром. Если будут новости, звоните.

Полковник Доглаев был, конечно, благодарен командующему за этот разговор, но тревога его меньше не стала. Он слишком хорошо знал Дементьева и был уверен, что только большая беда могла помешать разведчику продолжать работу.

Прошел еще один день. Радиоданная Дементьева молчала. А ночью Доглаев получил радиogramму от другого своего человека в городе Н. Этот разведчик больше двух месяцев не появлялся в эфире и вдруг вот объявился. В его радиogramме Доглаев обнаружил и весть о Дементьеве.

«Здесь разоблачен капитан Рюкерт. Его считают русским шпионом. Бежал во время ареста. Полагают, ранен. Ведется тщательный розыск».

Сначала у Доглаева мелькнула мысль — приказать этому человеку помочь Дементьеву. Но нет, вряд ли это выйдет. Автор радиogramмы работает техником на телефонном коммутаторе города. Вероятно, ему все-нашего удалось подслушать разговор гестаповцев.

Полковник доложил о радиogramме командующему. Тот сказал:

— Будем верить, что Дементьев спрятался надежно. Будем верить в лучшее.

21

Дементьев потерял счет дням и ночам. О том, что наступило Первое мая, ему сказал смотритель музея. По случаю праздника он принес в подвал бутылку вина, и они распили ее.

Дементьев осмотрелся. Подвал с низкими, скачатым потолком. Крутом груди яшинок. Скупой блеск пустых золоченых рам. В углу фигура рыцаря в латах. Все это было озабавляющим, кающимися огнем свечей. Да, не думал, не гадал Дементьев, что в жилище его случится такой Перомой.

— Я слушал Лондон, — тихо сказал смотритель музея. — Они говорят, что Берлин пал. Дементьев верил и не верил тому, что услышал. Смотрел на старичка и не замечал, что по нему течет слеза.

— Чего вам-то плакать? — ошевишим голосом спросил смотритель. — Пусть плачут они! Разве мой старичок понять эти слезы Дементьева?

8 мая 1945 года окруженные в городе Н. гитлеровские войска капитулировали.

В ночь на 10 мая сюда вступили советские бойцы.

С первыми частями мотопехоты в Н. прибыли и полковник Доглаев. На площадях города уже формировались колонны пленных. Часть подчинившихся Доглаеву офицеров разбирали ушедшие армиями. Другие офицеры наблюдали за регистрацией пленных. Это оказалось очень ответственным делом, так как многие гестаповцы, обличившись в солдатскую форму, стремились раствориться в одиозной массе пленных и таким образом избежать ответственности за свои преступления. Но люди эти не пользовались любовью и у самих немцев. То и дело к советским офицерам обращались пленные солдаты с просьбой проверить затесавшихся в их группы неизвестных.

Там попался и крупный гестаповский чиновник Крамергоф.

Начиная вопрос Крамергофа, Доглаев не знал, что перед ним гестаповец, наиболее полно и точно осведомленный о службе Дементьева. Это выяснилось уже в ходе допроса.

В начале Крамергоф потерл очки и теперь, сидя перед Доглаевым, близоруко щурился глазами и, нервничая, все время делал жест рукой, словно хотел поправить или снять очки. Первые три минуты допроса он вел очень кратко, явно не желая входить в подробности своей биографии. Крамергоф заявлял, что он войсковой офицер, по званию капитан, работал в качестве наблюдателя за эвакуацией. Доглаев делал вид, что верит всему этому.

Постепенно тема разговора расширялась, и Крамергоф начал впадать в сетуху, хитро раставляемых Доглаевым.



Да, не думал, не гадал Дементьев, что в жизни его случится такой Перомой.

— Значит, вы отвечали за эвакуацию войск?

— Нет... Я был всего лишь один из офицеров в довольно многочисленной группе.

— Кто возглавлял эту группу?

— Полковник Кунгель.

— Где он теперь?

— Не знаю. Он был арестован некоторое время назад.

— За что?

— Ваши самолеты каждый день топлили уходящие транспорты. Кто-то должен был за это ответить.

— Почему пострадал именно Кунгель?

— Он отвечал за эвакуацию.

— И вам удалось доказать, что Кунгель был связан с нашей авиацией?

— Нет, не удалось.

Крамергоф никак не реагировал на слова «вам удалось». Он просто не заметил этого подвоха в вопросе русского полковника и продолжал:

— Виноват, конечно, кто-то другой. Когда Кунгель арестовали и передали суду, здесь был разоблачен некий капитан Рюкерт. При нем оказалась советская радиостанция.

Доглаеву стоило огромных усилий не выдать своего воякина.

— И эту разоблаченную Рюкертом во всем созналась? — спросил Доглаев, как только мог небрежно.

Гестаповец помолчал и ответил:

— Он бежал.

— Бежал, будучи арестованным? Невероятно!

— Он был ранен. Найдены следы крови. Можно полагать, что он забился куда-нибудь и умер от ран.

— Откуда вам известны все эти подробности? — Доглаев в упор смотрел в глаза Крамергофа.

— Я... Крамергоф на мгновение замолчал.

— Придумай друга, — заметил Доглаев, — Вы же занимались эвакуацией, а не лоплей диверсантов! Надеюсь, вы не будете утверждать, что о помике Рюкерта сообщалось в печати?

— Видите ли... — начал выпутываться Крамергоф, — мой друг работал в гестапо, и он рассказал мне...

— Фамилия друга? — мгновенно спросил Доглаев.

Крамергоф сразу не ответил.

— Придумай друга, — заметил Доглаев, — надо было сразу придумать ему и фамилию. Для соратника гестапо такая олошность непорочительна.

— Почему гестапо?

— Мы с вами взрослые люди. Пора нам и говорить серьезно, — сказал Доглаев спокойно и уверенно, хотя еще далеко не был уверен, что перед ним действительно гестаповец. Он знал только одно, что перед ним не армейский капитан, за которого выдавал себя Крамергоф. Тут опом и чутко не обманул Доглаева.

— Скажите, вы участвовали в операции против капитана Рюкерта?

— Нет.

Доглаев улыбнулся.

— Тогда нам ничего не остается, как сослаться на печать.

— Я же сказал вам, мой друг майор Фальберг...

— Поздно. Майору Фальбергу уже совсем не к чему появляться на белый свет, тем более из небытия.

В это время дверь открылась и в комнату, где происходил допрос, вошел мужчина в штатском, явно не по росту костюму.

Доглаев смотрел на вошедшего и не верил тому, что видел. Да, это Дементьев! Только он был с усиками и нелепой шиперской бородой золотистого цвета.

— Очень хорошо, товарищ Дементьев, что вы пришли, — радостно сказал Доглаев, так спокойно, будто Дементьев вышел из его комнаты полчаса назад. — А то вот моему собеседнику приходится выдумывать всякую всячину.

Пройдите, садитесь.

Дементьев сразу все понял, подошел к столу и сел напротив Крамергофа. Тот мелком посмотрел на Дементьева и в ужасе отшатнулся.

— Надеюсь, мы больше не будем заниматься сочинительством? — обратился к гестаповцу Доглаев и نگاهнул зловонно. В комнату вошел козыньный! — Идите, подайте мне.

— Скажите, вы участвовали в операции против капитана Рюкерта?

— Нет.

— Тогда нам ничего не остается, как сослаться на печать.

— Живой!

— Согласно... Крамергоф не сводил глаз с Дементьева.

Гестаповца увели.

Доглаев напряженно ждал, пока закрется дверь, а потом живою, опрокинув кресло, и бросился к Дементьеву.

— Живой! — Доглаев не смог сказать ни слова. Он обнял Дементьева, прижал его к себе, как отец сына, вернувшегося домой после долгой и опасной разлуки. Вот так они и стояли молча, крепко обнявшись, — два солдата, для которых высшее счастье — исполненный воинский долг.

ЧТО ША В?

Они познакомились весной прошлого года в саду, что раскинулось возле Дворца культуры железнодорожников. Катя до мельчайших подробностей помнит все, что произошло с ней в тот теплый, пахнувший молодыми березками вечер. Играла музыка. На веранде кружились пары. Высокый, стройный юноша подошел к ней и, деланно поклонившись, мягко прозаял:

— Извинюсь, можно пригласить вас на бал?

Он осторожно, с подчернутым вниманием посмотрел на Катю. А через несколько минут предложил:

— Давайте познакомимся. Меня зовут Викентий Забавин, попросту — Кеша. А вы?

Катя назвала свое имя.

Улыбнувшись, юноша сказал:

— Между прочим, я вас уже немного знаю, товарищ Рабинина. Давно ли — полюбобитствова-вала Кеша...

— Секрет... Но, чтобы не было сомнений, уточню: вы работаете сверлошницей на механическом заводе, а ваш папа — водопроводчик. Недавно вам исполнилось двадцать, вы внесли интересное предложение по скоростной обработке металла.

— Откуда такие подробности? — смущалась Катя.

Кеша загадочно улыбнулся и ничего не сказал.

Весь тот вечер молодые люди провели вместе. Кеша оказался прекрасным танцором, предупредительным, веселым кавалером.

После танца Кеша пошел провожать Катю. Вышли из института они шли по уснувшим улицам города и без умолку разговаривали. Викентий рассказывал, как три года назад он окончил в Вологде вечерний класс, затем из-за какого-то пустака провалил вступительные экзамены в институт, после чего пришлось поступить в речной техникум. Через два года переехал в Москву и устроился штурманом на пароход. Работа ему не особенно нравится, но что поделашо: учиться больше не хочется. Решил пока погулять, походить. Пришел папа сеченые балы против такого намерения, но на его угворения: как-никак, ведь он у них единственный сын...

Кстати, — заметил мимоходом Кеша, — вы, наверное, слышали о моем отце. Его зовут Южа Иванов Забавин.

— Да, да, конечно, — ответила Катя, вспоминая одного из ответственных работников в городе.

Уже перед тем, как попрощаться, Викентий рассказал девушке о том, где он учится и где живет.

— Однажды, развернув свежий номер областной газеты, Кеша заметил снимок: миллионная девушка стояла у сверляющего станка. Рядом с снимком была напечатан очерк «Передовый человек на заводе». Из него Забавину стали известны многие подробности катини биографии. Кеша решил, что бы то ни стало познакомиться с девушкой. С этой целью он уже давненько приходил в заводской клуб, но Катю встретил там не удалось. А вот сейчас в саду он без ошибок узнал ее.

С той поры Викентий и Катю часто видели вместе в кино, на танцах, на городских гуляниях; иногда в палиной «Объедем Кеша возил девушку за город. Катю все это увлекало и радовало. Однако в поведении Викентия она

замечала какие-то неровности. Порой ухаживая Забавина казались искусственными, напоминали плохой сыграный роль. Заметила девушка и другое: Викентий к ней не привязан, не дорожит ее чувствами. Как-то раз она целый вечер ждала его у усвоенного места, но Кеша не пришел. Не зашел он к ней и на второй и на третий день, а в конце недели она случайно встретила его в парке с другой девушкой. Правда, он тут же подошел к Кате и стал горячо объяснять причину своего отсутствия: все дни был занят на работе и о свободных только сегодня. А это девушка — просто знакомая, которую он случайно встретил.

В другой раз она увидела Викентия в палиной «Объедем». Машина выехала промчалась по улице, ведущей за город. Рядом с Кешей сидела незнакомая девушка...

Все это ностражило Кате, давало ей повод думать о непостоянстве Викентия. Она не раз начинала с ним разговор по этому поводу, но безрезультатно. Викентий отделывался шутками.

Но однажды между молодыми людьми произошла серьезная размолвка. Все началось с того, что Катя рассказала Кеше о своем намерении поступить в вечерний строительный техникум.

Зачем тебе понадобилось? — нахмурился он. — Ты будешь вечно занята, а мне из-за этого дома сидеть? Не намерен!

— Но почему бы и тебе не поступить в вечерний институт?

— Я не прогаду и с теми знаниями, что у меня есть, — сказал Викентий и, побыв немного с Катей, так и ушел.

Как им тяжело было в девушку на душе, в техникум она все-таки поступила. Узнав об этом, Забавин перестал заходить к Рабинным.

Уже разочарившись друг друга? — спросила Катю мать Анна Сергеевна, заметив, что дочь стала скудной, раздражительной.

Девушка ничего не ответила, а потом, учуяв момент, когда дома не было отца, рассказала матери о размолвке с Викентием. Анна Сергеевна почувствовала, что Катя любит Викентия и в то же время боится этого любви. Самой Анне Сергеевне Забавин не нравился: вертелся, высокомерен, излишне хвастлив. Она давно хотела поговорить с Катей, но не представлялось случая, а сейчас она утратила и вышло все.

Прошла зима. К весне молодые люди помирились, а летом во время одной из поездок за город произошла ссора. Викентий предложил. Возвратившись домой, Катя, сильно волнуясь, рассказала обо всем родителям.

— Я пережить не стану, — выслушав дочь, ответил Петр Васильевич. — Парень он видный, да и отца его я знаю. Правда, Кеша шаловат немного, но это от молодости. Женитесь — все забудет.

— А ежели еще хуже будет? —

тяжело вздохнул, возразила мать. Может быть, со временем Анна Сергеевна и смирилась бы с несчастливым браком Катю, но произошло случай, который резко восстановил ее против Викентия. Однажды она зашла в университет и случайно встретила там Кешу. С ним были незнакомые молодые люди.

Викентий молча раскинулся в Анну Сергеевну и, подойдя к витрине, стал внимательно разглядывать что-то, переминаясь с друзьями замечаниями. Сквозь говор покупателей Анна Сергеевна услышала, как один из его приятелей спросил:

— С кем ты сейчас поздоровался?

— С тем ту одной моей красотики мамаша...

Анну Сергееву так и обдало холодом: «И откуда он о Кате так говорит? Хорош же! Да мыслю ли это? Аж захотелось тут же подойти к Забавину и сказать что-то очень резкое, обидное, но Катю, которая подлетела к горький комоч, язык не слушался.

Весь день Анна Сергеевна ходила словно в воду опущенная. На вопросы дочери тихо отвечала: «Не спрашивай. Не береди мою душу».

Прошла неделя, вторая. Викентий к Рабинным почему-то не заходил. Катя тоже не вспоминала о нем. Анна Сергеевна начала поспрашивать у знакомых. Ей даже пришла в голову мысль, что Забавин просто пошутил над Катей, делая ей предложение.

Однако предположения матери не оправдались. Спустя около месяца после встречи в универсере Викентий прислал Катю открытку, а еще через три дня зашел к Рабинным сам. Это было в воскресенье. Викентий, сильно надушенный, с огромным букетом ярких цветов и небольшим корзиночкой чеподанчиков он шулко открыл дверь в прихожую и еще по громко прокричал:

— Из дальних странствий возвратился... Впрочем, здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй! — с укором сказала Катя.

Анна Сергеевна встретила Викентия сдержанно, почти сухо. Зато Петр Васильевич обнял Забавина, словно давнишнего друга. — Сидение, подается обмыть, — подмигнул ему Викентий. — У меня кое-что приготовлено для такого случая... Он раскричал чеподанчик и вынул из него вышитый платок с завязкой. Кеша особенно приподнял настроение. Когда выпили по второй, он закурив, откинулся на спинку стула и, делая серьезное лицо, сказал:

— Для вас, папа и мама, видно, не секрет, что мы с Катей объяснились, дали друг другу слово продолжать жизнь вместе. Между нами это уже решено, а

теперь вот я, то есть мы с Катей, просим вашего согласия...

В комнате наступила тишина. Рабинины молча переглянулись, потом оба сказали: «Поздравляю, поворачившись к Кате. Девушка сидела серьезная, взволнованная. Тонкие пальцы ее рук чуть-чуть задрожали, перебрала узорчатую кайму скверты. Она ждала ответа, родительских слов, которые должны решить ее судьбу».

Первым заговорил Петр Васильевич:

— Ну так, то, конечно, я не против. Ну, а ты сама что скажешь, дочка?

Катя перевела на отца взгляд и молча утвердительно кивнула головой.

— Стало бы, в нас доброе... А я не согласна. Нет моего благословения, — после него гордо раздался спокойный и твердый завет Анны Сергеевны.

Не ожидавший такого ответа Викентий дже протестовал.

— В чем дело, мамаша? Почему вы против, чтобы Катя стала вашей женой?

— Это почему же? Разве я хуже нее, или вам не нравится мое положение?

— Нет, нет, не хуже, и не в положении дело. А уж если говорить правду, то мне противно было бы сейчас видеть перед собой простого рабочего парня. По крайней мере, у него бы меньше капризов и хлопот, а больше уверенности в счастье дочери.

— Ну, ну, мать, — вмешался в разговор Петр Васильевич. — Разве Катя Викентий не любит?

— Я дала ему слово, — робко добавила Катя.

— Для своего счастья этого мало, — сказала Анна Сергеевна. — Не сердись, ты думаешь, мне легко идти против твоего желания? Но сейчас мое материнское сердце говорит: нет! Подождите, пока Катя не скажет, что так мало знаете друг друга...

— А я не хочу ждать, — возмущенно воскликнул Викентий. — И вообще, почему вы вмешиваетесь?

На Васильевича обидел ответ, он быстро прошел в прихожую, накинул на плечи пальто, а еще через минуту его торопливные шаги раздались под окнами дома...

С тех пор Кеша к Рабинным не заходил. Иногда Катя и теперь еще случается обидает его постепенно сглаживает боль разлуки. И чем дальше уходит в прошлое, словно в тумане, промелькнувшие дни увлечения, тем споконья и легче становится у нее на душе.

Но взаимоотношения в семье Рабинных заметно расстроились. Петр Васильевич обидел жену в том, что она стала поперек дороги, помешала дочери устроить свою семейную жизнь. Упрекнул Анну Сергеевну в этом и инквизиционные допросы, что давно отошла пора, когда матери выбрали женой для своих дочерей. Что касается Катю, то всякий раз при разговоре о несоответствии счастья она глубоко вздыхает и с грустью говорит:

— Я не хочу идти против воли матери...

Самы Анна Сергеевна тоже переживает. Беспокоит ее Катя. Она все чаще и чаще задумывается над тем, правильно ли поступила, не помешала ли счастью дочери. В самом деле, кто бы тут прав?

Н. ВОЛКОВ

г. Вологда.

«ПЕРВАЯ
ЗИМА»

О минувшей войне написано немало книг. Они различны по охвату событий, по своей художественной ценности, но каждая из них по-своему протравывает перед нами страницы великой истории, по-своему возводит.

Роман Евг. Леваковской «Первая зима», выпущенный издательством «Молодая гвардия», возвращает нас если не к самому трудному, то уж наверняка к самому горькому периоду войны — первым ее месяцам, когда фашистские полчища подступили к Москве.

Герои Евг. Леваковской — капитан Григорий Саанидзе, его невеста Кира Стародумова, отец Кира Максим Лаврентьевич и брат ее, студент Литературного института Алеша, старый кузнец Иона Никитин Курпир и его сын Виктор, невеста Виктора Катя, медсестра Анна Ивановна и доктор Ладиславский, начальник цеха Дмитрий Воронин и парторг завода Тарасов — это те самые простые советские люди, которые в трудное время отстояли от врага свой город.

В дни испытаний люди быстрее и проще находят свое место в жизни. Поэтому, наверно, так просто и естественно каждый из героев романа вошел в большую жизнь. Вечеринке дети стали взрослыми — солдатами, защитниками Москвы. Возвращаясь на завод Катя, серьезнее и собранный становится Виктор, неожиданно сильно раскрывается талант Алеша, уходит работать в госпиталь Кира. Вместе с первой девичьей любовью к Григорию приходит к ней и первое большое женское испытание — любить, верить и ждать.

На первый взгляд кажется, что диапазон действия романа неширок — завод, госпиталь, где работает Анна Ивановна и Кира, несколько фронтовых слесей, связанных только с Григорием, дача Стародумовых под Москвой. Но писательница сумела вложить в произведение атмосферу всей военной Москвы. Сдержанной суровостью веет со страниц романа. Строго и спокойно рассказывает Евг. Леваковская о том, как ковалась победа под Москвой.

Не все образы романа выписаны с одинаковой четкостью и глубиной, но читатель не может остаться равнодушным к Виктору и Кате с их немудреной любовью, простой и светлой, как они сами, к Григорию и Кире, к Анне Ивановне, оказавшейся такой самоотверженной и душевной женщиной, к немножко суровому и смешному старому Максиму Лаврентьевичу и в особенности к Алеше, чудесному, славному Алеше, который очень переживал, что он непригоден к военной службе, и погиб на посту, как солдат.

Книга Евг. Леваковской рассказывает о мужестве и верности, о преданности Родине. Пройдя через испытание, герои ее становятся взрослее, духовно сильнее, мужественнее. Война еще не кончилась, впереди много трудностей, много побед, но первая военная зима навсегда будет для них, как и для каждого из нас, символом первой победы.

К. СЕВЕРОВА

Фотограф К. Барыкина и К. Артюхинова.

1. Поднимание тимкостей — это спорт богатей. На заводе «Серп и молот» им занимаются многие молодые рабочие. Они знают, что занятия тяжелой атлетикой делают человека выносливым, ловким, спортивным. У такого и работа спорится. Занятия штангой помогают в труде. Сейчас в женские стал уставать во время работы и чувствую себя хорошо — писала маме в стеновую газету «Штангист» рабочий Виктор Леднев.

В обеденный перерыв рабочие обычно выходят на заводской двор. Здесь можно порадоваться с двухлудовой гирей. На каждом удаётся выжать гирю легко и непринужденно. Товарищи поддвигивают над слесарем В. Козловым: он слишком деловит под тяжестью «двойниной».

— А вы попробуйте сами! Шутки — дело хорошее, бросает вызов друзьям низкорослый, ирландский Мозол.

Приходится, что называется, выходить в круг...

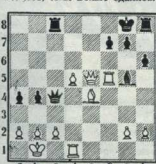
2. Многие совсем недавно стали заниматься тяжелой атлетикой, но уже добились заметных успехов. Вы видите, как легко арматурщик Александр Калитин выполняет толчок.

3. В классическом троеборье, пожалуй, самым сложным является рыбок. Атлет должен одним слитным, непрерывающимся движением закинуть штангу с пояса ста вверх на прямые руки. Чтобы сомкнуть путь снаряда спортсмен делает глубокий «подсеа», почти расластывается над помостом. Здесь важнейшая неточность — и колено носится деревянного истилля, тогда вес не будет засчитан. А в таком положении очень легко потерять равновесие, штанга может «улететь» за собой, гиревника вперед, назад, в сторону. Поэтому нужно усвоить это движение без штанги.

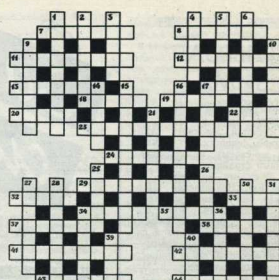
4. Узнают сильные ребята на заводе. Посмотрите на снимок. Абсолютного чемпиона завода вальцовщика Д. Немоловченко окружили молодые атлеты. «Ну и сила! Вот бы и нам стать тамими!» — читаем мы в глазах юношей.



мельные фигурки в лагерь проигривши и заставил его кантулировать. Партия закончилась так: 14... б6 15. с6, а8 16. Кс-б5, с4 17. Ф2-д6, Фс1 18. Сд4 (лучше 18. Сд2) 19. Сс3, Сд3, Сс3 20... С-д3; 21. Кс-с3, Сс3 22... К-д3, с4; 23. Лс3, ЛВ3 24. Фс1, Лд7 25. Фс1 Фс7 26. Фс7 27. Л-д3, Л-д3 28. а8, а8, Фс1 29. Лс1, Лд2. Белые сдались.



В партии против мастера А. Вигорелова (Дания) проиграл, югославский гроссмейстер В. Никол продемонстрировал свое неуязвимое комбинационное дарование. Финальной жертвой белых стал разный матовую атаку. Партия закончилась так: 31. Л-г7! Кр: f7 32. Фс7, КрВ3 33. Сс6, Фс7 34. Лс1 черные сдались.



КРОССВОД

Составила Г. Лешенкова (г. Минск)

- По горизонтали:**
 7. Спортсмен. 8. Крупный малопродуктивный уезд в Калининской области. 11. Русский писатель. 12. Навиение ставки или нашта. 13. Великий русский хирург. 17. Техническая культура. 18. Птица. 19. Довольствие. 20. Стихотворный размер. 22. Советская союзная республика. 23. Юридический орган. 24. Государство в Европе. 25. Отрасль животноводства. 28. Расеяна А. П. Чехова. 32. Родильное отделение. 34. Шахматный фигура. 35. Анципониное подразделение. 37. Центр Алтайского края. 38. Отрицательное суждение. 39. Вещь. 40. Умение. 43. Уезд в Среднем и южном. 44. Игрок футбольной команды.
- По вертикали:**
 1. Военный корабль. 2. Средство связи. 3. Рена в XV в.

- Числительное облати. 4.** Художественное произведение. 5. Химический элемент. 6. Спиритное общество. 7. Провещатель XVIII в. 10. Бесполое животное. 14. Зверок с тремя членами. 15. День недели. 16. Полицейское частное. 17. Остров. 18. Представитель народа, избранного на выборах. 19. Девятое, основанное на научных данных. 25. Срочная работа. 26. Представитель народа, избранного на севере. 27. Группа горных суков. 28. Завершение. 30. Слов партией многоголосного музыкального произведения. 31. Личность Героя Советского Союза. 34. Метла обработки почвы. 36. Коллектив музыкантов. 39. Государство в Африке. 40. Французский философ-материалист XVIII в.

Участники команды-победительницы XII турнира наций (слева направо): гроссмейстеры Мария Тайманов, чемпион мира Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Павел Керес, капитан команды Александр Котов, Еким Геллер, Давид Бронштейн.

XII ТУРНИР НАЦИЙ

Особенно впечатляющего года в шахматы на XII турнир наций на разных уголках земного шара было сыграно более 200 лучших шахматистов — тридцати трех стран: Европы, Азии и Америки. В течение почти месяца не утихала борьба на 98 шахматных столах.

Выпестившую победу в этом труднейшем состязании, потребовавшем от всех его участников максимального напряжения творческих сил и физический сил, одержала команда Советского Союза. Она завоевала золотой кубок и золотые медали чемпионов мира.

XII турнир наций выдвинул вперед немало из среды талантливых шахматной молодежи различных стран. Этот турнир вошел в историю шахматной культуры не только как наиболее успешное командное первенство, но и как соревнование весьма высокого класса игры. И, наконец, самым главным является то обстоятельство, что XII турнир наций является первым и дальнейшим шагом в развитии прогресса мирового шахматного искусства (вспомните, например, недавнюю выставку, посвященную дружбы и культурного сотрудничества между народами).

ИЗ 1220 ПАРТИЙ

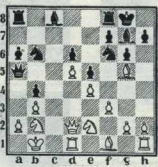
Мы не ошибемся, если скажем, что среди 1220 партий XII турнира наций можно найти немало тактик, в которых встречаются глубокие стратегические идеи и величайшие примеры тактики, важные теоретические новшества и примеры выходящей за пределы использования минимального преимущества, примеры искусного ведения атаки и защиты и наконец, красивые комбинации.

Чтобы хоть немного познакомиться с этими интересными и комбинационными творчеством участников XII турнира наций, мы приводим несколько примеров, напоминающих примеры Д. Бронштейна в этом турнире еще раз повалит себя большим художником. Почти каждая его партия была насыщена комбинационными моментами. Игра советского гроссмейстера была порою весьма рискованной, однако его превосходство в тактической мастерстве позволило ему провести ряд атак в аналитическом стиле.



Положение, которое мы записали выше на диаграмме, сложилось в партии И. Адонис (Перу) — Д. Бронштейн (СССР) после 14-го хода белых. Советский шахматист, играющий черными, смелой жертвой двух пешек вскрыл линии и пошел стремительно наступление на позицию неприятельской королевы. Затем Бронштейн, повернувшись третьей пешкой, вторгся своими та-

а б с d e f g h
 1. такой позиции пришла Д. Бронштейн (СССР) — Ф. Кампозане (Филиппины). Монгольский шахматист фактически жертвуя ферзя, затем попусту на востражном в центре королю черных.
 Последовало: 15. h4, СВ 16. Фh4, h6 17. К-f5!, СВ 18. К-с7, с7 19. Лf6+, КрВ3 20. Лh3, Кс6 21. Лf5+, КрВ3 22. Лf7, Лf8 23. Фh5, Фh5 24. Сс3 и белые одержали победу.



Это положение случилось в партии В. Моринг (Холландия) — С. Юханссон (Норвегия) после 15-го хода белой энергичной жертвы ноной позволила молодому норвежскому мастеру успешно завершить бурно развивающуюся атаку.
 Было сыграно: 15... Крf5! 16. Сf4, Сf4 17. Крf6! 18. Кf3, Сс2 19. Крf4 20. Лd4 20. hс (или 20. К-с4; К-с4, а затем 21... е4!), Сх3 21. Кd4, еd4 22... Крf1, К-а4 23. аb, Кf3, Сс3 и белые вскоре сдались.

Мастер В. ЛЮБНИНСКИЙ

Красивы известности сада Фелдоница, где находится всемирно известная галерея живописцев. На территории страны обложки: Фелдоница художников на этюдах Ф. Цесаревича.
 На четвертой странице обложки: В осеннем парке. Фото Е. Минулиной.

«Литературная комета»

«Вопле! и пробля в потолок, Вина моего образую тую...» — таким и начинал «Онегин». Последний стих изложил оставивший впечатление. Что это за «вино кометы»? Почему здесь соседствуют два, казалось бы, несовместимых понятия? Весной 1811 года и Земле подошла большая комета, самая яркая из всех исследованных. Только она достигла наибольшего блеска, дала ее хвост в тридцать раз превышала видимый перерез Луны. В «Вопле и Мире» Л. Н. Толстой описывает ее так: «При взгледзе на Арбатскую площадь огромное пространство этого, темного неба открылось. Почти в середине этого неба... отделился в обильном со всех сторон звездный, но отделившийся от звездности и земле, белым светом и длинным подбитым извергом хвостом, стояла огромная яркая комета».

Появление этого «вино кометы» наметило начало эпохи, которое в свое время вызвало так много толков. Он оказал влияние, послужив свидетелем современности. Впервые в человеческом мире, спустя лишь несколько лет после ее появления, с удивительной яркостью прояснил над Землей, хвостатая звезда выдала узоры в неизмеримой глубине Вселенной, но оставила свой след в двух величайших творениях творческого гения людского разума. Впервые возвращение этой кометы связывается лишь в конце 52-го столетия нашей эры.

В. А. АЛЕКСЕЕВ

Главный редактор М. А. Величко. Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, М. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Оформление номера В. А. Урина. Технический редактор О. Швова.

Адрес редакции: Москва, 1-я ул. Ямского поля, 28. Тел. Д-3-94-24. Подписано и печатано 20.XI.1956 г. Тираж 250 000 а.в.

Над № 1122. Завая № 3058. Формат бумаги 70 x 108мм. 1,78 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



Публикуемые на этой странице иллюстрации и обложка книги Федора Гладкова «Вольница» — дипломная работа Виктора Манасева, студента Московского художественного института имени В. И. Сурикова, получившая высшую оценку государственной экзаменационной комиссии.



Цена номера
2 руб.

